



— Не к буре ли тихо? — подумал Бали о купце, пробуя на язык спирт. — Где же Пэтэма с Саудом?

Бесшумной совой пролетела над Катангой короткая белая ночь.

Калмаков, в сопровождении Игнатия, шел от илимки к чумам. Эвенки сегодня не спали. Возбужденные жгучим подарком купца, они не думали ложиться. Поддерживать костер женщины позабыли. Он дымил.

Топко хватил без причины за волосы Дулькумо. Рауль хотел было ее отнять, но получил удар в ухо головешкой. Топко был пьян, и удар оказался несильным. Он посадил Раулю узкий синяк да вымазал лицо сажей. Такой пустяк не мог их рассорить. Звон в голове Рауля стих. Сажка сотрется, синяк отливает. Потом когда-нибудь Рауль будет пробовать, крепки ли у Топко волосы. Стоило ли на это сердиться? Изгорелым полешком голову Рауля не разбить. Ведь он знаменит тем, что об голову ломал один за другим по три кирпича чаю. Сегодня он попробовал бы сломать сразу два, но не было чая.

Бали маленькими глоточками пил водку, пьянел, пролил остаток и теперь пел песню:

*Русский друг хорошо угостил,
Я его тоже буду гостить.*

С пня кричала звонкая вертишейка.

— Допаивать пьяных легче, — сказал Калмаков. — Ты, Игнатий Федорович, веди с ними гулянку, ты — мастер. К вечеру всю канитель надо кончить.

Игнатий принял наказ. Он вскинул над головой руки с бутылками и, пошатываясь, затянул по-тунгусски песню о майгу:

*Майгуча-ан, Майгуча-ан!
Надытун харавин...*

— Шагданча, — назвал он себя эвенкийской кличкой, — веселится! Гуляй...

Смех. Шум. Шагданча — свой человек. Он упал ловко на землю, уронил мягко бутылку, полез целоваться. Не успела отвернуться от него Дулькумо; брякнул о пуговицы якутский крест на шее Этэи. Она оттолкнула Игнашку. С головы у него слетел картуз и обнажилась широкая, блестящая, как кость, лысина.

— *Дыле-чомо!* — захлебывалась Дулькумо смехом.

— Чомо, чомо! — повторил эхом выкрик Игнатий, не понимая значения слов.

Калмаков смеялся в рыжие усы. Он был доволен, что в Игнашке нашел замечательного человека. Для большей веры в него он сказал эвенкам:

— Шагданча — мой приказчик, пособка мой.

Но никто не слушал Калмакова. Шагданча сказал о себе сам, кто он. Он, заткнув горлышко бутылки языком, перевернул ее вверх. Светлым пузырем всплыл ко дну воздух. Все видели, что Игнатий пил. Кто мог подумать о хитроумной пробке-языке? И пошла от Игнашки бутылка по кругу.

Топко заикал, Рауль видел перед собой вместо редкого бора густую чашу. В глаза Дулькумо полз огромный котел. Отмахнулась... Но куда пошли русские? На лодку? Не уплыли бы с товарами... За-кричала:

— Друг, забыл пуснину. Покруту делать надо!

— Вот, вот! — Друг оказался на месте. — Торопиться надо. Низовые люди тоже ждут товар. Таскать будем пушнину. Где она?

— Весь белкам чум место, — подсказал Топко. — Вино пить давай.

Топко не солгал. Пушнина оказалась вся в чумах, кроме маленьких запасов, оставленных на лабазе.

Не напрасно ожидали эвенки Калмакова. Белка вся связана десятками и хорошо просушена. Каждая женщина знает, на какой сотне прервался промысел белки. Пусть берут. Это всегда так. Возьмут, потом легче покручаться, чего хочешь, то и возьмишь.

На кругу опять много вина. Топко запивает икоту. Рауль радуется, что в его чуме русские увидят много белки. Этэя дошталась до чума и видела, как мимо нее сам Калмаков пронес полный кул белки.

Бали хотел растолковать Шагданче, что он слепой, что белку добывала его внучка, которая скоро вернется из леса и будет сама у них покручаться. Как было об этом не предупредить купцов, когда она с таким нетерпением поджидала их всю весну! Пьяный язык Бали заплетался и ворочался, как налим в теплой воде.

— Я слепой!.. Она стреляла. Пэтэма... пять сот...

— Но, но!.. слепой. Ладно... Покручаться будешь — отвечал ему Игнатий, сминая в мешок настрелянную Пэтэмой белку.

На него ворчал остроухий Поводливый.

У берега рабочие доконопачивали на илимке щель, полученную от камней Паноликского порога. В устье Туруки поднялся маленький ветер и купал в ряби отражение солнца.

— Чик, чик!

— Сауд, диво! На Туруку пришел сеноставец... Слышишь?

— Не глухой. Сеноставца не выживешь из камней на мягкую землю. Это железо гремит.



— Железо? Кто кует? — Пэтэма повернулась к Сауду?

— На нашем стойбище нет кузнецов. Торопись!

Оба ткнули пятками в передние лопатки оленей и на зыбких седлах бесшумно подъехали к стоянке. Над берегом стояла высокая мачта. Она бросилась Сауду в глаза прежде, чем люди.

«Откуда народ?» — подумал Игнатий, увидев Сауда с Пэтэмой, не зная, что делать со взятой пушниной.

Он дал оплошность, что заболтался со стариком. Хотя, чего особенного, если он вынесет белку? Взята с согласия старших.

— Ну, дедушка, я потащу белку в лодку да начнем покручаться.

— Ладно, ладно. Хоросо! — бормотал Бали.

Расседланные олени пошли к табуну. Пэтэме с Саудом трудно было не узнать в дверях чума Бали и Шагданчу. Что такое? Дедушка еле вылез за русским.

— Покрута давно началась? — спросил его Сауд.

— О-о!.. Пришли, — вздрогнул от неожиданности Бали.

Пэтэма проскочила в чум, чтобы поскорее переодеться. Она видела нарядную Этэю, возле которой ползала маленькая Либгорик. Но почему Этэя лежит лицом на земле?

— Где Топко? — Бали протянул руки. Шагданча повел его к мужчинам пить водку. Это удобный случай, чтобы незаметно снести пушнину от трезвых парня и девки.

Сауд зашел в свой чум. Он увидел пустые турсуки и мать, обнявшую их.

«Спит или плачет?»

Пэтэма в расшитом замшевом пальто, в новеньких обутках со стянутыми в косу гладкими волосами вышла за порог. Но на нее некому было смотреть.

Шагданча взбежал по трапу в носовую часть илимки, что была плавучей лавкой и жильем Калмакова, бросил мягкий куль на пол и торопливо доложил хозяину о приходе Сауда с Пэтэмой. Он рассказывал об этом тихо, будто хотел предупредить Калмакова о ненужных свидетелях их покруты. И громче:

— Ты их знаешь, Осип Васильевич. Помнишь, в прошлом году на Комо была девчонка? Колечко ты ей на палец надевал. Теперь она подросла.

— А-а! Так, так, так! Вот она где? Зови их в лодку, те пусть там льют. — Калмаков заел выпитый лафитник отваренной оленьиной. — Парню скажи: ружье, мол, привез. Рабочим вели выбросить на берег десяток кулей муки. Провиант готов, товаренко — тоже. Не хватит — придут осенью на Байкит. Надо кончать покруту.

Дулькимо сидела в кругу совершенно пьяных мужчин. Она пела о рябчике: и пестренький-то он, и брови у него краснее зорь, и мясо



За товаром. Сымские тунгусы.
10 июня 1926 года.
Автор Л.В. Гиршфельд
(из фондов КККМ)

слаще оленьего языка. Откуда взялся голос, слова? Этэя позавидовала бы ей, если бы могла слушать. Но Этэе было не до того. Она лежала за чумом и впервые познавала сладость опьянения. Так сильно ее не тошнило даже от шучины.

Игнашке посчастливилось, Пэтэма с Саудом шли к илимке, чтобы поглядеть и лодку, и товары, и людей. Обрадовались, что встретился знакомый человек. Поравнялись. Игнашка Сауду до уха.

«Рослый, гадина, какой», — позавидовал Шагданча и рассыпал перед Саудом много слов о ружье, о покруте, о гостинцах.

Вошли в лодку. В ней темнее, чем в ельнике. Так показалось со света. Остановились у двери. По крыше, над самой головой, Голенков протащил на берег куль муки.

— Эй, гости! Лезьте сюда, — поманил их Калмаков. — Ты, красавица, проходи!

Загорелое лицо Пэтэмы Калмаков нашел хорошеньким и еще раз поманил гостей. Они о чем-то между собой переговорили, и первым вошел Сауд.

— Садись тут, — Калмаков похлопал рукой по кипе с мануфактурой. А для Пэтэмы растянул перед окошечком кашемировый платок с шелковыми васильками по кайме.

Не идет. Подошел сам, накинул на голову платок и вернулся к товарам. Сауду он подал оловянную трубочку с табаком.

Помаленьку огляделись, прислушались к топоту по крыше, привыкли к Калмакову. На берегу лежали, как белые олени, мучные кули. Должно быть, это и есть покруга.

Калмаков на пальце потряхивал связку золотистых, под янтарь, стеклянных бус и протягивал их Пэтэме. Она подошла и взяла бусы. Сауду он подал под табак жестяную баночку. Пэтэма стала разглядывать крытую лодку. На поперечной стенке, что отделяла нос от кормы и помещение рабочих, были полки, и на них лежал всякий товар.

Калмаков достал из коробочки и сам надел гостям на пальцы по тоненькому золотому колечку. Потом он снова подошел к Пэтэме.

— О, что я тебе подарю-ю! Эх!.. — Калмаков перепустил на пальцах металлический пояс, расцепил пряжку и мигом охватил блестящей побрякушкой упругое тело девушки. Рука купца сползла по овалу бедра. Пэтэма смутилась, попятилась. Но тогда в ход пошла чудесная, как свежая кровь, жидкость в бутылке. Пэтэма с Саудом немало дивились жгучей сладости, отведав этой крови из маленькой, как дробовая мерка, рюмочки.

— Нет, это не вино. Вино белое, — сказал Пэтэме Сауд.

Та облизала губы и не знала, что подумать. Калмаков налил еще. Сауд не раздумывал, тогда как Пэтэма отказалась пить. Ей с первого глоточка стало жарко и липко во рту.

Началась снова неторопливая, спокойная покруга. Калмаков показывал гостям бронзовые пуговицы россыпью и на бумажках, наперстки пустые и со стеклянными цветными доньшками. Тесемки, иглы-трехгранки, нашатырь от всех болезней, анисовые капли, жестянки для спичек, ладан для лечения зубов, гребни, ушекопки. Пэтэма просила у Калмакова гребень и ножницы. Он не понял и подвел ее к полкам. Она отложила просимое и долго вертела в руках шпильки, не зная их назначения. Сауду нравилось, что Пэтэме позволили трогать товары. Могут ли этим похвастаться Этэя с матерью? Он спросит их после, да не забудет спросить всех, пили ли они крованистое вино, которое ему снова подает Калмаков. В этот раз и Пэтэма приняла угощение.

В илимку заглянул Игнатий.

— Осип Васильевич, муку всю выгрузили, сколько велел. Ребята все ушли к чуму.

— Ага!.. Федорыч, позови-ка от меня этого хлюста, да показывай ему винчестер, чтобы он не мешал. — Калмаков выбросил патроны.

— Пойдем глядеть... А ты управляйся, Осип Васильич. Девчонка ладная попала. Ржаная, да шанежка. Ничего, что тунгуска. На чужой стороне и жучок мясо.

Сауд, шатаясь, будто после долгого плавания, вышел на нос. Здесь ему лучше. Жарко, в кишках пощипывает, не хочется двигаться. Игнатий быстро передергивает скобу, опускает курок, ловко показывает, ужимает пальцем в летке пружину и толмачит, что туда наталкивается десять пуль сразу. Опять работает скобой, курочком, целится. Сауд держится за конец ствола. Он пытается внутри его разглядеть нарезы, но устало жмурятся глаза. Ему грустно, хочется спать. Они долго искали с Пэтэмой оленей. Сегодня он сказал ей про выкуп, то же самое скажет матери после покруга. Клонится голова.

— Са-ауд! Са-а-уд!..

Он ясно слышал голос Пэтэмы. Зачем закрыта дверь в лодку? Зачем дверь спиной прижимает Шагданча?

— Со-а!..

— Не пускай...

— Он пьяный! Не торопись! — Игнатий хохочет.

Сауд снова бросился к дверям, но Игнашка схватил его за грудь и оттолкнул. Удар отрезвил его. Сауд рванул скобу, у Игнашки скользнула нога, и тесовая дверь распахнулась.

— Пэтэма, иду!

— Не пускай...

Костистый кулак Игнашки отразил наступление. У Сауда пошла носом кровь. В груди вспыхнула злоба. В руке его сверкнул наточенный нож. Стиснув зубы, Игнатий ударил Сауда винчестером по голове и вышиб память. Сауд упал. Свет заволокло дымом, в ушах шумело. Сауд лежал смирно и больше не слышал ни плача, ни призыва Пэтэмы.

Игнатий трусливо глядел на оглушенного парня.

— Убил, нет?.. Как это случилось?.. Гадина... Еще вздумал замахиваться на крещеного человека ножом, — бормотал про себя Игнашка. — Осип Васильевич, беда, паря, случилась. Иди сюда!

— Что там?

— Бросился, тварина, с ножом на меня. Я испугался и не помню себя, как его очекушил ружьем. Из-за тебя маленький грех доспел. Гляди, однако, умрет. Что теперь?

Калмакова бросило в жар, но он быстро овладел собой. Нужно было скорее запутать следы преступлений.

— Труссы в стукалку не играют. Игнаха, ты убил тунгусенка, ты и оттащи его от илимки подальше в траву.

Пэтэма видела, как перегнулись через борт ноги Сауда. Она бросилась было к нему. Калмаков захлопнул дверь и загородил выход. Раздался дикий рев.

Озадаченный Калмаков стоял, скрючась, под низенькой крышей илимки и не знал, как быть с девчонкой.

Пэтэме казалось, что он высматривает ее в полумраке как коршун добычу. Ей стало невыносимо страшно. Она с отчаянием бросилась к маленькому оконцу, высадила головой стекло, засела в полете и в исступлении закричала:

— Дедушка-а!..

Калмакова охватила дрожь. Он не допустит, чтобы какая-то вшивая инородка разглашала по тайге то, что должно остаться тайной. Погубить начатого дела на Катанге он никому не даст!.. Калмаков отбросил Пэтэму от окна и потной рукой перехватил ей горло.

— Что это? Шумит тайга. Когда начался вечер? Пасмурно. Вчера это или сегодня? Почему я спала не в чуме? — Этэя приподняла тяжелую голову. — Где остальные?.. А-а!.. Спят.

Этэя выплонула перегарную слюну и с болью во всем теле пошла в чум. Она не ошиблась. В чуме все спали. Топко лежал, сунув ноги в пепел костра. Рауль придавил рукой маленькую Либгорик. Убрала руку — Либгорик плакала. На лице ее размытая слезами грязь. Кордон посапывает. Где же еще трое?

Как хочется пить! Какая противная, застойная в котле вода. Едва проглотила.

Хотелось холодной, свежей воды. Этэя взяла котел и пошла на Катангу. Чтобы не встретиться с русскими, она свернула с тропинки на стрелку к устью Туруки.

«Но что это там, на берегу? А-а!.. Товары, мука. И как всего много! Где же русские со своей большой избой-лодкой? Неужели они совсем ушли?..»

Сбежала под берег, досадуя, что проспала покруту. Ведь она так сильно ждала купцов, чтобы самой поторговать.

Ее сильнее стала донимать жажда. Какая прохлада на реке. Какой славный ветер! Она ступила на мокрую землю, поскользнулась и тут только заметила, что ubyло много воды. Третьего дня чуть-чуть виднелся из-под воды реденький тальничок. Сегодня он будто вырос, и стало его много. Этэя плеснула на лицо пригоршнями воду, зыбкая волна промочила ей обувки. Это хорошо. Все холодное было только приятным. Ноги у ней теперь все равно мокры, она может забрести подальше от берега, зачерпнуть почище воды и унести в чум. Товары посмотрит потом.

Волны гнали на берег сполосканный с тальников мутный ил, Этэя приготовилась зачерпнуть воду, но, бледная, отскочила на берег, выпустила из рук котел...

Дулькумо проснулась в своем чуме. Но отчего у ней порван нательный поясной ремешок? Вспомнила и стыдливо старалась все

снова забыть. Она шла от чума и думала о покруте, но ее напугал крик Этэя:

— Обо-ой!.. Ладно ли мои глаза смотрят? Обой!.. Может, вода пугала меня. Идите, там...

Дулькумо принялась уговаривать Этэю лечь спать.

— Давай будить народ. Все ли у нас живы? — не унималась Этэя.

У Дулькумо защемило сердце. Тревога Этэя обеспокоила ее, как ветер тихую тайгу.

Разбудили всех. Во рту у каждого было сухо, хотелось пить. Но где же Пэтэма с Саудом? Они были вчера тут, на чумище... Это помнит Дулькумо.

Топко не хотелось идти на берег, да и Рауль неохотно шел туда. Но что будешь делать с дурной бабой?

— Пэтэма-а!.. — кричала Этэя.

— Сау-у-уд! — не отставала от нее Дулькумо. — Сауд!

— Прямо кукши, — бурчал, зевая, Топко. — Разбудили. Вода напугала.

Сауд на зов поднялся из травы. Берег, вода и лес ему казались желтыми. Перед глазами расплзались цветные круги. К нему подбежала Этэя, схватила за рукав.

— Пэтэма-а! Где Пэтэма?!

Звонкий призывный крик Дулькумо напомнил Сауду вчерашнее.

— Сауд! — крикнул Рауль. — Моя баба кружает после вина и никому не дает спать. Пойдем в чум!

Рауль сел возле Топко и стал глядеть на зыбкое плесо. Вдруг Сауд крикнул не своим голосом:

— В воду гляди!

Рауль пригляделся. Не страшно. Но вдруг баловница-волна всплеснула бисерную кайму... сажу.

Сауд еще раз вскрикнул, бросился в воду и из обсыхающих тальников вынес синелициую Пэтэму.

Пэтэмы не стало, но не умерла ее душа. Она только откочевала в другой мир. На могильный лабаз ей положится все, что нужно в большую дорогу. Когда она закончит этот аргиш, она родится «там» вновь, будет расти, кочевать, жить. С земли Пэтэма ушла не навсегда. Когда тело ее снова умрет, она останется в том мире, вечная же душа опять возвратится на землю новым человеком.

Бали верит, но не знает — когда это будет? Недаром же он замолчал и свернулся, как береста от жара. Его томит эта разлука. У него не стало кормилицы. Кому он нужен, старый, слепой? Он хотел плакать — высохли слезы, хотел кричать — перехватило горло, онемел язык.

22.

Тупая боль из разбитой головы Сауда спустилась в сердце. С потерей Пэтэмы зачем ему скопленный выкуп — темные соболя? Чтобы не плакать, Сауд стискивал зубы до боли в желваках.

Женщины торопились выючить оленей, чтобы идти от покойника в сторону утренних зорь, где гроыхала гроза и по народным поверьям, предвещала новое несчастье. Мужчины затягивали берестой воздушную могилу.

Олень бежит от выжженных мест, не может человек не уходить от несчастья. Смерть сильна, но не сильнее жизни.

Сегодня в белесом тумане ночи Сауд вел сам аргиш на свежие, незагрязнённые ни смертью, ни человеком места. За ним в затылок грузно шли с поклажей олени. В поводу, за его быком, ехал, ссутулясь, Бали. Топко позади всех гнал порожняк. В этот раз он не решился перечить сыну. Казалось, он понял, что нельзя вершину заставить расти в землю и сделать ее ниже корней. Дулькумо было некогда рассуждать. Не стало Пэтэмы, у ней прибавилось работы. В ее связке прибавилось выючных оленей. Этэе хватало своих забот, чтобы думать о постороннем. Взыбке плакала Либгорик. У ней был кашель. Да и с Кордоном целое мученье. Он не сидит спокойно в седле: то останавливает оленей, то ловит руками ветки. Долго ли ушибиться, вывихнуть руку? Тут еще Рауль в забаву сделал ему маленькие ножны с крошечным ножом. Того гляди — вытащит его и выткнет себе глаз. Правда, нож тупой, но чтоб испортить глаз, не нужно острого лезвия.

С короткими остановками шли всю ночь. Хотелось отдыха, сна. Рауль пытался остановить Сауда, но Сауду было не до жалоб.

— Худому оленю все дороги бродны, — оборвал он грубо Рауля, продолжая вести аргиш.

Рауль спешил и остановил своих оленей. Вскоре к нему подошел с порожняком Топко.

— Ты захворал? — спросил он Топко.

— Маленько... Так это... пройдет... Хочется спать... — зевнул устал Топко. — Куда идет парнишка? Ум потерял!

— Однако я тут стану чумом. Мне что твой сын? Тайгу я знаю.

Топко розниться не хотелось. Он стал уговаривать Рауля аргить до остановки Сауда. Ему помогала Этэя. Рауль долго упрямился, потом нехотя погнал оленей следом за Саудом.

На стоянке Дулькумо, затягивая чумовые шесты берестой, слышала тихий говор:

— Тут, дедушка, будет наше с тобой место. По ту сторону огня будет постель матери с отцом. Чума хватит всем. Станет тесно — долго ли прибавить два-три шеста.



*Собака привязана к оленю во время
перекочевки. 1932 год.
Автор М.К. Калашников
(из фондов КККМ)*

Сауд говорил тяжело и нескладно. Слова подбирались с трудом. Он хотел уверить старика, что и теперь, без Пэтэмы, он может жить и кочевать с ним до своей смерти. Но нужно ли было это делать сегодня, когда дождь не смыл еще следов от свежей могилы? Он не знал.

Не знал и того, что Бали, глотая слезы, грустил о Пэтэме и думал: «Чужая парка — не согрева, чужой чум — не жилище».

В тяжелом раздумье Бали прилег на свежую хвою. Сауд подложил под голову старика комочком свернутую одежду.

— Так, дедушка, хорошо?

— Хорошо, мужичок... Хорошо... Неплохо было бы маленько уснуть. Я немножко сегодня устал.

Бали стянул изуродованные веки. Сауд не мешал ему больше. Он ушел на берег быстрого ручья, который пенился, гремел по камням и стремительно нес воду по узкому извику теснины. Сауд набил плотнее трубку, нахватался крепкого дыма. Теперь он мог спокойно обдумать, что делать дальше. Поудобнее сел на траву и ясно припомнил все, что произошло на тихой Туруке с приходом калмаковской лодки.

«Мм! Почему я не успел тогда ткнуть ножом? Может, не потерял бы Пэтэму. Дедушка ничего об этом не знает. Говорить ли все ему о Пэтэме?»

У Сауда заболел висок. Короедом вгрызлась в сердце злорада. Он захватил горстью траву, вырвал ее с землей и бросил в поток.

Исчез враз паут. Черным лишайником мухи облепляли прибрежные камни. За несколько дней подох весь комар и мошка. Кончалось лето. Осень расшивала тайгу в цветистое хольме. Но наряд этот тайге ненадолго: один холодный ветер — вся ознобленная листва ляжет на землю.

Белые ночи остались уже далеко позади, теперь аргиш встречали длинные, черные ночи. По пепельному небу табунились темношерстные тучи, шли дожди. Надо было сделать большую остановку, чтобы хорошенько отдохнули олени. Да и люди стали жаловаться на усталость. Надоело всем жить в чумах-временках: ни тепла, ни уюта.

— Тут будем осеновать, — сказал, наконец, Сауд, увидев запрягтанную в ельнике берестянку. — Дедушка, чья здесь стоянка?

Бали задумался.

— Чидалик, — опередил его Рауль.

Женщины на этот раз ставили прочно жилища. На ноги оленям-бегунам Рауль мастерил березовые кольца-башмаки. Топко не желал ничего делать. У него дергалось веко левого глаза. Он тер его и говорил о примете:

— К нам будет кто-то свой. У меня прыгает с утра глаз.

— А я жду чужого, — улыбнулся Сауд. — Не знаю, врут ли мне оба глаза. Я первый увидел лодку в лесу.

— Нет, Сауд, к своему человеку должно шевелиться только одно левое веко, — в голосе Бали послышалась первая шутка после долгих молчаний.

Сауд осторожно положил на землю рассохшуюся берестянку, в ней давно не плавали.

«Плоховата, но ничего, стоит маленько подправить, и она выручит при нужде».

Сауд велел матери найти острогу, чтобы успеть к ночи насадить ее на череп, поправить лодку и ехать в ночь с лучом на рыбную ловлю.

— Рауль, ты хочешь есть рыбу?

— А что?

— Иди готовь светильники.

— Светильники? Нет, не хочу. Я думал, ты — с рыбой. Сегодня буду спать.

Отказ Рауля слышал Бали. И когда Сауд зашел в чум за подпилком, чтобы подточить нож, старик вызвался ему помогать.

— Мужичок, — сказал Бали, — светильники делать — работа под силу слепому. Только была бы надрана береста. Я тебе помогу. Да и острожку подточу не хуже зрячего. Острые слышит палец.

Топко прикинулся спящим. Рыба будет завтра. К улову сына он проснется.

— Бересту, дедушка, я надеру. Ты устал.

— Эко, устал. За рыбой отдохну. Когда-то и я рыбаком был. Теперь хоть твоим плохоньким пособником буду. Пойдем работать.

Сауд захватил из очага головешку с огнем и вывел за собой Бали. Оба они были веселы. К молчаливым воспоминаниям о Пэтэме они привыкли и даже несколько раз поговорили о ней, о своих сокровенных намерениях. Поплакали, но тут же поняли, что клеить разбитый лук — маять себя. Горе их сроднило. Они стали друзьями. К Бали больше не возвращались горькие слова, что «чужая парка — не согрева». Своими заботами Сауд заставил его поверить, что и «чужой чум жилище».

Смеркалось. Бали завернул на жару последнюю светильную прыщеватую трубку. Надел на палку и запалил ее на радость Сауду.

— Гляди-ка, мужичок, ладно ли нет горит луч?

— До дна будет светить!

— То и есть.

Сауд забрал светильники в лодку. Прикинул на глаз правильность посадки остроги и засмеялся:

— Дедушка, бивал ли ты кривой острогой рыбу?

— Бива-ал, да домой воду плавил. Ты острожище-то поправь маленько на коленке, потом попали горб на огне. Станет прямо.

По совету старого друга Сауд выправил маленькую кривизну острожища и весело отчалил хрупкую лодку.

Темная, как спелая голубица, вода в тихих прилуках Сюгдюкана была неподвижна. Подмытые половодьем деревья, готовые вот-вот упасть, нагнувшись, тянулись по берегам. Их черные вершины казались не лесом, а верхом высокого яра. Желтыми паутами мельтешили в отражениях звезды. Издалека в тишине ночи Сауд услышал ворчунью — каменистую Юкту.

«Отсюда начну лучить, — подумал он. — Здесь должна держаться крупная рыба. Таймень не карась, он любит свежую воду».

Сауд разжег на палке светильник, вставил его в лучевое гнездо лодки, встал на ноги и потихоньку начал отталкиваться тонким острожищем. Лодочка покачивалась, и отражения огня бегали по воде красными утками.

На глубине маховой сажени в освещенном кругу были отчетливо видны камни, песок, водоросли, створки раковин, затонувшие листья. Сауду приходилось щурить глаза, чтобы не прогля-

деть рыбу. Он пожалел, что не сделал из бересты кольца с тeneвым козырьком.

Светлый круг луча наплыл на тайменя. Рыба не понимала, что на нее набежало. Однако она тихонько пошевелила плавником. Сауд не первый день выходит на лов с острогой и хорошо знает рыбы повадки.

Ослепленный таймень не видел, как повернулся в руках Сауда острогой вниз тонкий шестик. Хорошо наточенные зубцы с хрустом вошли в спину рыбы. Замутилась вода, задрожало в руках Сауда острожище.

— Какая сила! — Сауд в лодке вырвал из спины трезубец и начал снова высматривать рыбу.

Обугленную бересту сменил свежей. Яркий свет — легче розыски рыбных стойбищ. Сауд заколол подряд шесть ленивых налимов. Вон они в лодке: слизоспинные, с сытыми брюхами.

В полутьме Сауд заметил движущуюся молочную тень и метнул в нее трезубую острогу. Луч осветил в глубине, как рябь, знакомые пестрины.

Качнулась берестянка — и Сауд вытащил рассеченную острогой щуку.

Выпученные глаза ее напоминали Сауду Шагданчу, плоский лоб — его широкую лысину.

«У-у... проклятый... люча!» — и он стукнул по острозубой голове палкой.

С высокой осины, ковыляя рыжеперым турухтаном, в полосе луча упал на воду скоробленный холодом осенний лист.

Сауд дожигал последний факел и торопливо гонял лодку. Глаза его мрачно смотрели в воду. Думы мешали метко бить рыбу.

Он немало удивился желтым плешинам на темной воде. Убывающая луна купалась в тихих плёсах Сюгдюкана. Черная елка напоминала Калмакова, одетого в долгополый кожан. Приближалось утро. Рассвет замутил воду, ловлю надо было кончать. За ночь Сауд заколол много рыб и основательно загрузил берестянку.

Ему захотелось поест сырого белого жира со щучьих кишок, но неприятно стало марать рыбьей слизью руки. Лучше получить все вкусное в чуме из рук матери.

Он уложил поудобнее возле борта острожку, сел на сыроватое дно и погнал веслышком грузную берестянку. На стойбище встретили Сауда собаки. Перед ним, как перед хозяином, Поводливый ласково изогнул спину.

Сауд тихо вошел в сонный чум. Он был рад, что старик спит спокойно. Сел разуваться.

— Ладно лилучилось? — спросил вдруг Бали.

— Хорошо, дедушка. Ладно ли с тобой? Ты что не спишь?

— Тебя поджидал. Вечером забыл сказать, чтоб ты не выпал из лодки. Вот и не спалось. Ты ведь теперь у меня один, дружок, остался. Уйдешь куда, мне думу оставишь. Теперь дождался, уснем вместе.

У Сауда не нашлось в ответ слов, но он почувствовал, что эта забота еще больше сроднила его со слепеньким стариком. Он хотел принести ему рыбы поесть, но Бали отказался.

— Рыбу поедем днем. Сейчас будем спать.

В чуме пахло рыбьим мясом. Это первое, что услышал Сауд, просыпаясь от крепкого сна. Он был доволен, что так кстати наткнулся на лодку. За семью теперь он спокоен. Их можно оставить одних и не думать, что будут ворчать пустые кишки. Дедушка полной щепотью набивал рот таймениной и запивал ее горячим наваром.

— Мама, ты давала рыбы Этэе?

— Разделили всю пополам.

Сауд потянулся до хруста. С тех пор как отвалили с Туруки, он так еще ни разу не отсыпался. Теперь в пути он может долго не спать.

Мохнатым рогом прямо над головой Сауда торчал тупой конец камысного чехла с пистонной винтовкой. Надежной рогатиной поперек коленей лежала острая пальма. Это было все, с чем выехал Сауд через день после рыбалки в лес. Он хотел осмотреть охотничьи угодья, чтобы знать, есть ли смысл оставаться на зимовку в долине реки Тайги. По рассказам Бали он знал все притоки этой реки и ехал уверенно, как по хоженным местам. Он замечал, что вороны летели на полдень. Стало быть, и белка должна будет держать зимние гнезда там, по вершинам полуденных речек. Не попусту же туда аргилили вороны. У них с белкой, как у сохатого с зайцем, дороги одни. Да и олени кормовые пастбища легче высмотреть по голоземелью. Высмотришь — увереннее кочевать будешь зимой. Стал на чумище и спокоен. Знаешь, что олень копит снег не напрасно. Снег, по приметам, будет глубокий. Неспроста белка насадила грибы на сучья выше человеческого роста.

Сауд пересек Касвино и Анчелга, ночевал у костра и опять ехал подле восточного подножья водораздельного хребта к вершине речки Тайги. Его радовало обилие ягельных мест. Ягель голубел и в низких местах и по косогорам. Даже на самой высокой части хребта Сауд нашел тот же мох-ягель.

На хребте выкурил трубку. Осмотрел с высоты места, заприметил и стал спускаться в низкую седловину, чтобы от нее идти прямо на полдень. Перешел вброд мелководный приток Тери — Дюлюшмо и увидел на мху след человека, за которым шел олень.

Поехал быстрее.

«Что за человек? Откуда взялся?»



Вскоре Сауд нагнал пешехода. Это оказался Орбоча с оленем. Оба усталые.

— Ты куда так разогнался? Стой!.. Отдохнем.

— Хо-о... Ты откуда? — обрадовался Орбоча. — Что, надоела Турука?

Сидели на мху, курили, разговаривали. Сауд коротко рассказал о грустных событиях в их стоянке. Орбоча наклонил большую голову, помолчал и тяжело раскрыл толстые губы:

— У вас невесело, и у меня не веселее. Отец обезножил. Тут заболели олени. Половина подохла. Маленько волки помогли хвори. Один этот бык только и остался. Всего на нем не перетаскаешь. Отца ношу на себе. Так и аргишу. Куда его девать? Не олень — не заколешь на мясо. Из-за отца остался без покруты и без белки. Обезножил сам от такой жизни. Иду к богачу Гольгоулю просить оленей.

Сауд терпеливо выслушал до конца томительную речь Орбочи. Ему было тяжело и неприятно, словно в знойный день он пил тошнотворно теплую, мутную воду. Однако Сауд выдержал и ни разу не перебил несвязных слов Орбочи, но зато многое узнал о его горемычной жизни. Больше того — Сауд узнал, что сидит на земле богатого Гольгоуля и что он не только крупный оленевод, но и большой князь, который в любом горе может помочь каждому человеку и наказать даже. Сауд, не колеблясь, тут же решил идти вместе с Орбочей в стойбище могучего человека. Ему хотелось встретиться с Гольгоулем, посмотреть на живого князя, рассказать о своих несчастьях, посоветоваться о смерти Пэтэмы и послушать его, что он скажет.

Сауду вдруг стало весело и легко. Он выбрал себе место вблизи стойбища богатого князя, и получилось неплохо. Ведь это поможет ему больше не встречаться с русскими купцами, с тем же Калмаковым, и избавит его навсегда от новых несчастий. Сауд хорошенько попросит Гольгоуля, тот все поймет и непременно согласится покручать Сауда всякими товарами. Как хорошо, что Гольгоуль богатый, и не русский, а свой.

— Орбоча, солнце скоро упадет за горы. Едем.

Сауд сел на оленя. Орбоча же своего повел на поводу. Он помнил об обратном пути и боялся замучить последнего оленя. Сауд тут же спрыгнул с седла.

— Орбоча, я много ехал, ты много шел, — сказал он. — Садись-ка на мое седло. Я маленько разомну ноги. Давай привяжем твоего оленя к моему в повод.

Орбоча был рад случаю немного отдохнуть в седле. От далекой пешей ходьбы ноги его ныли. Поехали шагом.

На осеннем небе выпали звезды, когда им попала кучка отметных оленей. Стало ясно, что чум Гольгоуля недалеко. Орбоча



*Везут товары. 1927 год.
Автор Н.П. Наумов
(из фондов КККМ)*

остановил верхового быка и прокричал сохатым. Прислушались, поймали ответный крик, похожий на тихое эхо. Они не ошиблись: это был ответ живых людей. Вышли на отклик. Оказались пастухи Гольгоуля. Остановились у них ночевать. До чума Гольгоуля еще далеко. Лучше здесь подождать утра, чтобы не беспокоить ночным появлением сна богатого человека. Бедному человеку прийти днем — легче надеяться на добрую встречу в богатом жилище. К тому же утром с пастбища выедет к хозяину в чум старший пастух за получением лепешек и по пути доведет.

Пастухи сидели у огня и жарили мясо. Они, как только Орбоча попал в свет, узнали его.

— Ты куда это? Не сохатого ли гоняешь? — было их первым вопросом.

— Иду к Гольгоулю.

— Гостить?

— По делу.

— По большому?

— Просить оленей.

— Оба за этим идете?

— Напрасно мучаете себя и оленей, — глухо ответил горбатый пастух Лилиуль с широким, как бубен, лицом. — Оленей у Гольгоуля много, сам увидишь, да от этого не прибудет их в твоём стаде. Па-

рень смотрит землю тоже напрасно. Гольгоуль не пустит, соседей он не любит. Кто поселится рядом, тот и плакать станет.

— Отчего плакать? Как не пустит на землю?

Горбун засмеялся. Сауд вспыхнул. Гольгоуля он поглядит, послушает завтра сам. Своих ушей и глаз не подменишь.

Орбоча вздохнул. На искорку его надежды пастух пролил воду. Но что его так напугало? Ведь он не думает у Гольгоуля клянчить даром оленей.

— Попрошу, — сказал он не торопясь. — Заплачу соболями, может, даст.

— Так-то, может, отомнешь его жесткое сердце, — поправился горбун. — Дать соболей — неплохо ты придумал. Ешьге лучше олененка. Это такой... несчитанный.

Он, смеясь, захватил кусок горячего полусырого мяса. Сауд громко расхохотался. Ему понравилась смелость большелицевого горбуна Лилиуля, но тут же стало за него почему-то стыдно. Лилиуль, умяв большой кусок, сказал:

— Пойдете обратно, заходите к нам. На дорогу найдем пожирнее теленка.

У Сауда пропал аппетит. Краденый кусок сухо шел в горло. Нож опустился на колено. Да и Орбоча невесело управлялся с жирной едой. Это заметил Лилиуль.

— Ешьге досыта. Мясa не хватит — подрежем. Гольгоуль пятнал телят, да плохо. Мы допятнываем. Попадет на ремень пятнанный — тоже ладно. У пятнанных мяso не горше.

Сауд не мог понять, отчего так свободно сверкают отточенные ножи пастухов. Так можно есть только своих.

Орбоче хотелось спать. Он устал. Но он удержался и до сна рассказывал пастухам о своем оленьем несчастье.

— Ээ! Волк с баем заодно, — толковал Лилиуль о горе Орбочи. — Нет? Зачем тогда волки зорят стада бедняков и не трогают больших стад? У нашего Гольгоуля оленей — не у всякого ума хватит пересчитать, а волки их не дерут.

Орбоча посмотрел от костра в сторону леса, скрытого мраком осенней ночи. Лилиуль, чавкая, расспрашивал Орбочу про его отца:

— Баяты такой же верткий горностай? Давно я его не видел.

— Что теперь отец! — кашлянул Орбоча.

— Умер?

— Не мертвый и не живой.

На Орбоче остановились пастушьи глаза. Они знали Баяты как хорошего лыжника. И вдруг слышат: обезножил Баяты и кочует на спине Орбочи.

У Лилиуля выпятился сильнее горб, ниже села на плечи большая голова. Глаза прищурились. Сауд зорким дятлом поглядывал за Ли-

лиулем. Мудреный какой-то он человек. Вначале показался Сауду вором. Говорит и смеется не по-человечьи.

Орбоча прилег на землю. Он не сделал и трех затяжек из трубки Сауда, как она ему стала больше не нужна, сонные курить не умеют.

— Паренек, — сказал Лилиуль, подняв голову, — поймай-ка сходи теленка. Ночь долга. Без мяса сидеть — мука.

Молодой пастух собрал в колечко длинный ремень и ушел в лес.

«Неужели он только вор?» — снова подумал о Лилиуле Сауд, стараясь уснуть.

К чуму Гольгоуля, окруженному чумами пастухов, приехали к полудню. Из-под лосиного покрова большого жилища на лай собак вышел сухощавый, морщинистый человек. Глаза его скользнули мимо людей и остановились на олене Орбочи.

— Не бережешь, голыш, оленя. — Тонкие, в рубчик, губы презрительно вытянулись вперед.

Сауду стало неловко за скуластого Орбочу, который чуть не плакал от обиды. Сауд поравнялся с ним и ответил, волнуясь:

— У бедного человека не хватает ума, как из одного оленя сделать табун. Вот и заездил.

Гольгоуля позабавила храбрость мальчишки. Он прищурил насмешливо глаз и лениво сказал:

— Пешком ходить больше надо. Тогда станешь хозяином. У меня оленей не меньше, чем у сотни таких как вы, а я и то хожу много пешком.

Лилиуль усмехнулся. Он знал, что Гольгоуль ходит пешком лишь до ветру, а чуть дальше — велит пастухам седлать оленя. Орбоча промигивал слезы. Обида ночью застлала свет. Ему казалось, что вся тайга знает, сколько он ходит пешком, да еще с такой ношею, как безногий отец. Стало быть, Гольгоуль этого не слышал.

— Я хожу много, — сказал Орбоча.

— Откуда приехал ко мне?

— С Верхней Мадры.

— С Ма-адры! Вот и загнал оленя. Не по табуну делать такие переходы.

— Нужда погнала. Волки передавили оленей. — О худой болезни Орбоча умолчал.

— Жаловаться пришел. Я что тебе — бог?

— Купить пришел.

— Куп-ить?.. — У Гольгоуля скривился рот, в прищуренном глазу мелькнуло пренебрежение и самодовольство.

Вошли в чум с зеленым суконным низом, по которому свешивались веточками спелой брусники нашитые красные кисточки. В та-

ком жилище Сауд с Орбочей были впервые. Сауду оно показалось зеленым летом, которое не знает зимы.

Кругом очага поверх хвои сплошь настланы свежие олени шкуры. По сторонам у шестов стояли расшитые бисером турсучки, блестящие шкатулочки. На женщинах были серебряные пояса. «Такой пояс надет был Калмаковым на Пэтэму», — вспомнил Сауд. Стало неприятно, и он отвел грустные глаза в сторону, где теплился медью новый самовар. В берестяных коробичах лежало много вареного мяса и жира. На пухлых пальцах хозяйки горящими угольками поблескивало несколько золотых перстней-печаток. Поджарые икры Гольтоуля облегали расшитые бисером обутки.

Богатство Гольтоуля подавило Сауда. Он не смелее Орбочи присел к столику. Его ловкие и проворные руки в гостях были точно связаны. Орбоча неуверенно тащил в рот мясо.

Пастух Лилиуль сидел ближе к дверям. Это его не смущало. Он не первый год живет в работниках у Гольтоуля. Привык к обращению, к месту. Что ему хозяин? Горбуну нужно мяса — достанет. Оленьего языка, положенного на столик перед хозяином, Лилиуль не возьмет. Блестящий самовар, украшающий чум бая, пастуха тоже не удивляет. Он видел его много раз. Чай из него не пьют, чего же в нем интересного? Суконный покров жилища Гольтоуля так не давит горбуна, как не привыкшего к богатству Сауда. Лилиуль знает, что зеленое сукно Гольтоуля взято у Калмакова. Сукно на чум раскраивала ножом и шила суровыми нитками жена Лилиуля с женами пастухов. Белку, которую Гольтоуль платил за товар Калмыкову, добывали хозяину пастухи. Потом Гольтоуль брал белку с бедняков за проданных им оленей из своего большого стада. Все это отлично знает Лилиуль и не боится сидеть за хозяйским столиком. Пришел к чуму не глазеть, а по делу: нужен на пастбище хлеб. Получит, уедет назад к табуну. Что говорят в чуме, нельзя не послушать.

— Ты говоришь, пришел ко мне просить оленей? — начал Гольтоуль снова расспросы, разжевывая кусок оленьего языка.

— Да, — ответил Орбоча и перестал есть, тогда как Гольтоуль вминал в рот кусок за куском.

— Много надо?

— Где много! Важенку да быка. Больше купить сила не дюжит.

— Платить будешь?

— Платить... Платить...

— Сразу?

У Орбочи задрожала толстая губа. Бугроватое лицо налилось кровью.

— Осенью добуду соболей... Сразу платить нечем. — Орбоча опустил мясистые веки.

Сауду стало жалко Орбочу. Он вспомнил про соболя, добытого в выкуп за Пэтэму, и решил отдать его Гольтоулю за горемыку.

— Я платить стану за него соболями.

— Платить? Знаешь ли ты след соболиный?

Сауд вспыхнул. Он так бы и швырнул Гольтоулю спрятанных матерью соболей, если бы они были с ним. Сейчас же он голорукий, как и Орбоча.

Гольтоуль вытер ладонью костистый, с кустиком волос, подбородок и лег на мягкую оленину.

— Накройте меня паркой, — сказал он женам и лениво зажмурился.

На него упал легкий пыжик. Сауд вышел из богатого чума. Орбоча с трудом проглотил на ходу глоток крепкого чая.

Лилиуль перекинул через седло турсучки с лепешками и размашистой рысью поехал в табун. Пусть видят хозяева, что он торопится стеречь стадо.

Орбоча понуро выехал за ним. Он ехал тихонько. Ему пришлось беречь последнего оленя, спина которого нужна будет в хозяйстве. Гольтоуль помочь ему отказался. Сауд был доволен, что видел богатого человека, и рад, что ничего ему не рассказал ни о себе, ни о Пэтэме. Покачиваясь в мягком седле, он много раз вспомнил слова Лилиуля, что «у волка с богатым — вера одна».

Пастух отъехал подальше, остановился и дождался своих спутников.

— Что потерял? — спросил его, подъезжая, Орбоча.

— Брошенное не ищу, найденное не поднимаю, сделанное берегу! — отозвался шутливо Лилиуль. — Оставлять товарищей не люблю. Ждал вас. Давай перекинем лепешки на твоего оленя, а ты поедешь на этом.

Переменились оленями и поехали дальше по моховой тропинке. Весело похрустывают копыта, будто под ними крошатся сухие веточки.

— Орбоча, я говорил тебе вчера: напрасно маешь оленя, — сказал Лилиуль.

— Кто знал, что так выйдет.

— Все так думают, у кого нужда. Только иначе думает Гольтоуль. — Лилиуль соскочил с оленя. Ему хотелось сказать все, что он надумал. Говорить, не видя лиц собеседников, он не мог. Все трое стали в кружок.

— Я знаю Гольтоуля!.. Много приходило к нему бедняков — бедняками и уходили. Всем он говорил, как тебе. Ты хоть не кланчил, не молил. Сказал и будет. Из камня не напешься!.. Я думал, соболя-то у тебя за пазухой.

На скуле Лилиуля блеснула загорелая кожа. Длинные глаза смотрели насмешливо.



— Ты думал, Гольгоуль сам тебе наловит оленей? Как ты много думал!.. Нет, я не жду, когда он скажет: «Пастухи, ешьте мясо». Ловлю телят, режу и ем. Парням ножи велел подточить. Сначала голодали, а Гольгоуль этого не видел.

Лилиуль поглядел кругом, взял Орбочу и Сауда за полы кожанов и сквозь стиснутые зубы сказал:

— Я горбун. Отец Гольгоуля меня выбросил из своей лодки на берег. Я ударился о камни и огорбатель. Чужие вынянчили меня, я вырос уродом в пастухи Гольгоулю. У бабы моей сломанная нога. Я взял ее кривоногую — за бедного горбуна никто не отдавал другой девки. Шулингой мне не быть. Вот и живем мы, две коряжки, как заклятые.

Лилиуль курил, поводя глазами. Он будто жалел о сказанном. Орбоча наматывал на палец вязочку кожана. Сауд следил за пастухом, который надумал сказать им больше, чем сказано было Гольгоулем. Пастух откинул на горб жесткие космы и спросил Орбочу:

— Тебе сильно нужны олени?

— Как глухарю крылья.

— Ну что ж, ночью поймает трех важенков, веди их. Хочешь?

Орбоча испугался слов Лилиуля. Сауд стал краснее лиственничной губки. Неловко стало и пастуху. Он сел на оленя и поехал в табун.

Лилиуль не говорил больше о помощи.

Орбоча не понимает, что Гольгоулю потеря трех оленей так же не заметна, как охотнику потеря трех дробин из натруски. Как ему это растолковать? Лилиуль, досадуя на Орбочу, молчал. Когда же Орбоча засобирился в дорогу, Лилиуль поднял большую голову, уставил на него добрые глаза и, не торопясь, предупредил:

— Не носи Гольгоулю соболей. Что он тебе даст за них? Потерпи. Когда добудешь, сходи лучше к Арбунче. У него оленей меньше, чем у Гольгоуля, но он не откажет. А если знаешь, где кочует Богыдя, иди к нему. Этот даст даром. Богыдя — как таежное *голомо*, тебя, беднягу, приветит. Я не знаю, где он теперь.

Лилиуль задумался.

— Богыдя живет у меня в чуме, — ответил торопливо Сауд. — Теперь он один и слепой. Знал ли ты это, Лилиуль?

— Как один? У него была семья. Он меткий стрелок. Вся тайга ему была своей ладонью. Сказывать о чем начнет — маленький поймет. «Эко, мужичок» — прибавляет. О том ли ты старике говоришь? В тайге не одна кличка «богыди». Мало ли без отцов девки рожали богыдь. Но такой богыдя один.

— О том, о том, — подтвердил Орбоча. — И оленя, на котором я еду, он мне дал на вершине Комо.

У Лилиуля зазвенело в ушах.

Голомо — непереносимый чум,
крытый мхом и землей.

— Если бы вы мне сломали ногу, мне было бы не больнее. Богыдя — слепой. Богыдя — один. — Вздох. — Сауд, увези ему от меня хоть трубку. Скажи: горбун послал. Нужда будет, приведи его ко мне, докормлю.

Все замолчали. Каждый думал только о своем.

23.

Сауд на перевале простился с Орбочей. Они уговорились встретиться по первому снегу. Сауд хотел помочь Орбоче в перекочевках. Но чем? Распоряжаться оленями доброго Бали он не мог. Он только думал, что старик аргишных оленей не пожалеет. Сам же он подставит спину под безногого Баяты и этим поможет безоленному Орбоче.

Его молодую голову занимала другая тяжелая дума. Он видел русских купцов, видел кочевого бая и не знал — кто кого лучше? Сердце не лежало к ним. Ему не хотелось больше их видеть. А как это сделать, он не знал. Мешала покрута.

Сауд запутался маленькой мошкой в крепкой паутине раздумий и одиноко бился в ней.

Олень задел рогом ветку. Ветка горячо стегнула по лицу.

В тайге сучьев много. Глаза же у него только два. Приходится внимательно смотреть вперед. Сауду вспомнился слепой Бали. «Спалить пастбище Гольгоуля не надо глаз, а как без них мстить Калмакову? Ух!..»

Сауд вынул мамонтовую трубочку — подарок старику, вспомнил горбуна.

— Нет, Лилиуль не вор! — сказал Сауд вслух.

Перебрался через речку. Она холодная. Еще десяток дней, и на тихих плесах появится ледяной «жир». Захотелось поесть. Жалко, что взял мало мяса у пастухов. Но ничего, близко чум. Идя к жилию, нетрудно потерпеть голод.

На стойбище никто еще не спал, хотя звездный сохатый перевалил за полночь. Все толковали о вестях, принесенных с Таимбы, где русские, проплывая, упустили огонь в тайгу и выжгли много леса. Погорели птица, белка, ягодники, мхи. Разбежались олени, погибли могилы, вещевые лабазы. Как об этом было не говорить допоздна?

— Кто не клонет зайца, кто не обидит мирного? Чего не сделает русский с нашим народом? Мы теперь — в речке рыба, перегородженная заездком. Сам царь городить велел. Большой он. Куда теперь пойдешь? — Бали опустил в колени покорно руки.

— Дедушка, я в корыто к ним не пойду, — Сауд вспыхнул, как под пожарищем хвойная поросль.

- А что же будешь делать?
— Ломать буду. Корыто, городьбу. Все искрошу.
— Потом чего?
— Уйду в тайгу.

Бали знал, что молодой олень брыкается на поводу, но быстро привыкает и перестает мучить себя. Таков ли Сауд? Как скажешь вперед? Однако нелишне немножко попридержать его. Старик спокойно стал говорить:

— Мужичок, послушай-ка, ладно ли я сказывать сказку буду: «Был давно один богатырь. Ходил он везде и на всем пробовал свою силу. Сила в нем больша-ая была. За что ни возьмется, то и ломает, искрошит.

Богатырь хвастался силой, пугал людей, и все его боялись. Потом нашелся один смельчак, говорит ему:

— Ты хоть сильный, а рыбьего клея не одолеешь.

— Я никого не знаю, что было бы сильнее меня, — ответил он. — Что — клей!

— Хочешь попытать?

Богатырь согласился. Он лег на облитую клеем каменную плиту и долго на ней лежал. Когда высох клей, человек сказал богатырю:

— Ну-ка, пробуй. Вставай помаленьку.

Богатырь пошевелил спиной, но не мог приподняться. Рассердился. Из всей силы ударил ногой в камень и разорвал сам себя пополам.

С тех пор не стало богатыря».

— Силой, мужичок, нам теперь ничего не сделать. Ты будешь ломать и я помогу, все помогут. Маленько ломаем. А потом куда?

— Уйдем в тайгу. Все аргйшим.

Тайга Сауду представлялась надежной защитой, где ни один русский не сыщет его. Сам он к русскому никогда не пойдет. Ему казалось все просто и ясно. Он забыл о князьях, баях, которые через своих людей будут знать, где его выследить. Сауду захотелось курить.

— Табак бы только... А так мне не нужен купец.

Он ткнул в боковой карман руку и вытащил трубку:

— О, забыл! Дедушка, бери-ка подарок. Лилиуль послал.

— Лили-и-уль? — пропел Бали. — Давно не видел маленького горбунка. Где ты его нашел?

Сауд рассказал про встречу, про несчастье Орбочи, про богатый чум оленевода Гольгоуля.

— Да, Гольгоуль стоит на Некараке, — повторил Бали. — Лилиуль у него пастухом. Не забыл меня Лилиуль.

Бали закурил трубочку и любовно погладил дожелта прокуренную кость.

— Имя отца Гольгоуля было *Джероко*-Чембиле. За то его назвали так, что он ловил чужих оленей и пятнал их под свою метку. Это увеличивало приплод и без того большого табуна, который достался по наследству Гольгоулю. Гольгоуль был тоже мастер потихоньку резать уши чужим оленям. Но что было делать с ним, когда его русские начальники сделали кочевым князем? Спину Лилиуля сломал Джероко-Чембиле. Я проходил тогда мимо стойбища и взял его больного к себе. Чирокчана водилась с ним долго, и выходила. Он вырос, горб тоже. Ловить уж оленей хорошо научился, когда отец его взял к себе в пособники пастушить. Я дал Лилиулю два десятка оленей, как сыну, чтобы он мог жить своим хозяйством. Но как случилось, что Лилиуль остался без них и сделался пастухом Гольгоуля? Народ болтал, что Гольгоуль отбил старику головней грудь, и тот, как подсеченное дерево, скоро засох. Эко, Лилиуль? С Гольгоулем мне не хотелось бы встречаться.

— Почему, дедушка? — спросил Сауд.

— Встретясь с ним, я должен буду вцепиться ему в волосы! А для драки, сыночек, я стар. Пугать тебя в это дело нехорошо. Гольгоуль отобрал у пастуха Лопчокона себе третью жену, а его выгнал. За Лопчокона вступился отец Лилиуля, за это и погиб. — Бали опустил утомленную голову и грустно закончил: — Время, мужичок, людей старит, горе ему помогает. Уйти надо отсюда, пока нож Гольгоуля не перепятнал наших оленей. Что сделаешь с баем? Правду он топчет богатством своих табунов.

Рассветало, когда стихли разговоры в чуме. Сауду, взволнованному рассказами старика, снилось, что Гольгоуль поймал его верхового оленя и перепятнывает под свою метку. Сауд хватает пальму, но рукоятка у пальмы обламывается. Тянет с бедра нож, но острый клинок остается в ножнах; бросается к ружью, но уже поздно. На шее у него затягивается, как на олене, накиннутый Гольгоулем ремень. Сауд кричит. На помощь к нему бегут Бали с горбуном Лилиулем. Лилиуля догоняют многоголовый Калмаков и Шагданча...

Вдруг петля разорвалась, и Сауд услышал в голых деревьях шум ветра. Он встал потный от страшного сна.

Притоки несли лед в русло Катанги. Над ней, как над тлеющей колодиной, поднимался густой пар ледостава.

И только чуть стихло шипенье шуги, слипся торосоватый лед, ветер сдул пар, Сауд поспешил избавиться от соседства Гольгоуля. Он перешел на правую сторону Катанги и откочевал по Такуре к реке Тычаны. Он обошел болото Хивабу и вышел на озеро, где была древняя могила Момоля — родоначальника его орды.

Сауд был рад, что ушел далеко от берегов Катанги, и ни о чем, кроме промысла пищи, больше не думал. Он несколько раз видел



Тунгусский шаман Гаврила, 1928 год.
(из фондов КККМ)

лисиц, но пропустил их мимо, чтобы сберечь пулю на глухаря, даже на рябчика. Белка Сауда только забавляла. На перевале из Шошука в Хушмуку он наткнулся на след старой выдры и свернул в сторону. Зачем ему пушнина, когда он вовсе не хочет выходить на фактории за покрутой? Он услышал от встречных людей, что русский купец Феклишенек топчет дорогу из Яркиной на Чавиду. И Сауд нарочито пошел вниз по Тычанам, чтобы с Хушмуки свернуть на Майгучану и аргишить с нее прямо в хребты Тактыканы.

Сауд не трогал мучной пищи, ел только мясо. Когда из золы пахло свежей лепешкой, он уходил из чума или брал жирный кусок мяса, чтобы заглушить в себе желание поесть хлеба. Запасы мяса на стоянке Сауда не выводились. На добычу его он не жалел ни пуль, ни ног. К лету он думал остановиться на одном из рыбных притоков Чуни и до осени кормить стариков рыбой. Муки не будет, Дулькумо догадается скоблить с древесины загустевший сок и заготовить побольше сараны.

На хребтах Тыптурго много сохатых. Там же много оленьих мхов. Бали манил туда Сауда своими рассказами о чудесных местах. И Сауд шел к ним путями прошлых кочевий Бали. Бали казалось, что их он узнает по запаху лесов.

Дулькумо первую половину зимы молча встречала Сауда, возвращающегося с охоты, и каждый раз вздыхала, не видя в его поняге пушнины.

Она не переставала завидовать Раулю, который никогда не приходил пустой. Добыча Топко была до забавного скудна.

— Сын, не думаешь ли ты промыслишь белку летом? — не вытерпела Дулькумо. — Рауль добывает. С чем-то мы пойдем на Байкит за покрутой?

Сауд засмеялся:

— Мама, ты плохо стала видеть. Дорога моих аргишей идет в сторону от Байкита. Зачем мне белка? Я ем теперь только мясо и забыл вкус хлеба. Отец тоже напрасно тратит провиант на пушнину.

— Хо-хо! — ответил насмешливо Топко. — Посмотрим, чей-то ты табак курить будешь? Мой? Я не дам.

Сауд выбросил из кармана в огонь трубку. Дулькумо увидела, что сын не шутит. Она замолчала. Топко ушел к Раулю толковать о глупостях парня.

— Мама, лучше жить на одном мясе и рыбе, носить лосиновую одежду, стрелять луком, украшать одежду оленьей шерстью, забыть бисер, парить вместо чая траву, березовый нарост, чем встречаться с русскими, кланяться у них товар. Нет, голова моя зажила и больше я не хочу, чтобы она болела. Я знаю, отец захочет идти с Раулем. Пускай идет. Ты не ходи. Ты не знаешь, что Пэтэму утопил Калмаков.

— Как?! — испугался Бали. — Так она не сама утонула?

— Не сама, дедушка, не сама.

— Эко, Пэтэма...

— Я не сказывал никому об этом. И... моя клятва — не топтать больше троп в сторону русских.

Придавленный новым горем, Бали сквозь слезы прошептал:

— Не топчи, сынок. Не топчи!..

На лбу Дулькумо печаль прочеркнула глубже морщинку. Она только теперь поняла сына.

Навыюченные олени стояли в ожидании отвала. Никто в стойбище, кроме Бали, не знал, куда Сауд поведет аргиш. После ссоры, которая произошла на днях, казалось, оба чума должны идти по разным дорогам. Топко было трудно аргишить без сына на факторию. Дулькумо решила кочевать с Саудом, куда бы он ни пошел. Топко по злобе хотел искрошить ее лыжи, но Сауд поймал его за грудь и вмял в снег.

Аргиш стоял. Сауд нарочно возился с юксой. Он переживал, когда Рауль с семьей отвалит на Байкит. Но тот не шевелился с места. Не брался за повод и Топко.

— Зачем вы мучаете व्यюками оленей? Кого ждете? Что не идете на факторию? Или забыли, что у меня нет пушнины, и на Байкит я вам не попутчик? Дорогу на Янгото мы как-нибудь с дедушкой найдем. Что стоите?

Сауд быстро надел лыжи и пошел к оленям. Рауль пинком поднял на ноги важенку и направился за ним. На Байкит он думал попасть позже, по летней воде. Мять дорогу по весеннему снегу — маята. На берестянке съездить в лавку куда будет проще. Положим, если дорогой на Чуню встретится попутчик на Байкит, Раулю не стыдно будет оставить упрямого Сауда. А пока с ним не стоит больше ругаться. Топко оставалось только идти за сыном.

Бали, приближаясь к многоводной, порожистой Чуне, несмотря на усталость, становился все веселее. Когда Сауд сказал ему, что видел синеву отвесных камней, он запел:

*Глазами Сауда я слепенький вижу
Полуденный конец гольца Туттырго.
Шониокэ-Шониокэ.
Я молодой видел сердитый порог там,
Не добрее он стал теперь.
Шониокэ-Шониокэ.
Мужичок, когда поплывешь по Чуне,
На порогах берегом обтащи берестянку.
Шониокэ-Шониокэ.*

На стоянке Сауд выслушал долгий рассказ Бали о реке. У Чуни оказалось так много притоков, что Сауд не смог их запомнить все по порядку. Перед сном пришлось просить дедушку повторить рассказ.

— Откуда начнем? — согласился Бали. — Снизу вверх или сверху вниз? Мне все равно, мужичок. С тобой кочевать я всяко люблю.

— Начнем с головы, дедушка. Ты знаешь у Чуни вершину?

— Как не знать? Я ведь седой маленько. Посмотри-ка! — Бали захватил горсть спутанных густых волос.

Сауд засмеялся.

— Закуржевел ты, дедушка, немножко.

— Эко! Какая была этот год холодная зима! Ну, ладно. Глухарь затоковал. Тепло сгонит снежную кухту. Волосы мои почернеют.

Бали заправил за уши жесткие пряди и, не торопясь, начал рассказывать:

— Три оленя будто сошлись головами к одному дымокуру: один будет хребет Кумкульды, другой тоже Кумкульды, а третий, на полночь который, будет Хованы. Из Хованы родилась река Татэ и на полночь пошла. Из Кумкульды с полночной же стороны начались две речки Еромо; против них и началась Чуня. Она загородила вечерний Кумкульды и пошла к нам. Второй-то Кумкульды пустой — как титька старушья. Из него не бежит речек. Отсюда, — Бали махнул левой рукой, — пришла из болот Чачо. По Чачо пойдешь — найдешь голову речки Укикит, а по Укикиту попадешь в полуденную Чуню. Чуня-то раскололась.

Бали мысленно плыл с Саудом по течению северной Чуни и против каждого называемого им устья притока махал то правой, то левой рукой. Он не забыл предупреждать Сауда об опасных местах: «тут порог, тут шивера».

— Дедушка, что если мы с тобой дойдем до устья и там заночуем? Ты не устал? Додюжишь?

— Языком шевелить — не веслом веслить. Пороги в чуме нашу лодку не затопят. Плыви да плыви. Мне только так и осталось поплавать с тобой.

Когда Бали через Бергиму напрямик вывел Сауда к Байкиту, Дулькумо уже выпалась и, щурясь на свет, засмеялась.

— Ложитесь спать, кукушки!..

Крепкий наст в чунской тайге эту весну держался долго не напрасно. Каждому в чуме Топко пришлось обсосать вкусный жир с сохатиных глаз, съесть по большому мясистому языку. Этэе не нужно было завидовать Сауду, когда он схлебывал межколенный суставный жир и хрумкал на сильных зубах неокостеневшие хрящи. На ее подбородке блестел размазанный жир, а на вешалах, изрезанное в тонкие ремни, вялилось мясо двух зверей. Этэю радовало обилие мяса. Теперь она не жалела, что после ссоры Рауль не послушал ее и с Тычан не свернул на Байкит с проследья Сауда. Этэя старалась заговаривать с Саудом. Она удивилась, почему до сих пор не замечала на стойбище такого парня! Стоило Сауду прийти в чум Рауля, как у Этэи расширились ноздри, приподнимались повыше брови.

Вчера Сауд принес с тока полную поныгу глухарей и дал из них два глухаря Этэе.

— Я давно замечаю, — сказала она, — твои глухари слаще глухарей Рауля. Где ты их находишь?.. Ты не видал моего мужика? Где он? Я одна.

Сауду стало стыдно Этэи. Он постарался скорее уйти, чтобы не видеть ее липких, как смола, глаз.

Сауд не знал, что для него в тот же вечер Этэя выкроила лосиновый ремень, высыпала из сумочки бисер и долго подбирала цвета и узор.

На шиверке вода прогрызла лед. Получилась быстрая полынья. Сауд знал, что только теперь, пока еще не вскрылась река и рыба голодная, можно легко добыть на удю жадных тайменей, майгу.

— Мама, сегодня я иду на полынью рыбачить.

— Не провались. Палку сделай к уде побольше. Полезешь на лед, подолби его пальмой. Весной лед дырявый, как свищеватая шкура, — сказал Бали.

— Ладно, дедушка, подолблю. Ты не бойся. Жди свежины.

— Потерплю. Поглотаю слюну до тебя, — пошутил Бали.

С кромки льда в полынью Сауд долго забрасывал на палке удю-обманку. Ее подхватывало быстрым течением, сносило вниз. Привязанный к лесе ключок оленьей шкуры скользил по поверхности воды. Он походил на плывущего маленького зверька. Его яростно хватала жадная рыба.

Это был веселый промысел. Сауд проверил крепость льда и смело ходил вдоль синей полыньи. Он забрасывал обманку в разные места, всячески хитрил и выдергивал на лед тайменей.

Рауль еще не вернулся с Янгото от прорубок, когда Сауд с уловом притащился к чумам. Этэя, чуть приподняв дверную пластину, окликнула его:

— Са-у-уд! Один таймень мой. Дашь? Ха-ха!..

Липкие глаза, не мигая, ждали ответа. Стыдно глядеть в них, стыднее пройти не взглянув. Сауд смущенно подал Этэе лучшую майгу.

— Даешь майгу. Тайменя жалко?

Сверкнул вторично нож, и к ногам Этеи упал таймень. Прикрылась дверь, спрятались насмешливые глаза.

«Зачем она так глядит?..»

Сквозь леса, покачиваясь, по тропинке шел Рауль. Сауд, не дожидаясь его, пролез в свой чум. После разговора с Этэй ему не хотелось почему-то встречаться с Раулем.

Без времени не упадет с веточки лист. Когда же придет время — не устоит утес.

На реке появились полыньи. На них прилетели отчаянные рыбаки — гоголи. Это были первые утки. Пришлось класть удю-обманку в турсук, братья за ружье и лазить вдоль заберег, по болотцам. Ниже по Чуне кто-то уже начал утиную охоту. Стрелял, что горы колол.

Ружейный гул по реке слышали все. Но никто не знал, кто по соседству веснует. Спросили Бали, он развел руками:

— Люди. Люди, как звезды на небе, рассыпались по тайге! А кто? Пройдет Чуня — узнаем.

И Чуня не заставила долго ждать. Еще не кончился совсем отел важенок и не успели у них отпасть прошлогодние рога, как тронулась Чуня. Лопнул лед, зашумел, как тайга в бурю. Подавилось русло льдом, захлебнулось, вода хлынула из берегов. Самый маленький безымянный ручеек, который летом чуть-чуть слезится, сейчас дурит речкой, ревет, скачет, пенится, все ломает, рвет!..

Поперек Янгото упала подмытая ель и, как лучина, лопнула под напором воды. Всюду треск, воркотня, водополье.

— Хе-е! — оживился Бали. — Посмотрели бы сейчас, что делается в порогах. Страшно глазам. Больно ушам от грома. Кружится голова от волн. Брызги. Волны скачут, как табуны диких оленей. Земля дрожит.

— Дедушка, Катанга теперь уж прошла? — опросил Топко.

— Сам должен знать, что ее ломает дней на пять раньше Чуня, — ответил Бали. — Полночные притоки Чуня идут на три дня позже самой Чуня. Мне случалось переходить через Самашик по льду, тогда как на Чуне не было льдин.

Уши скоро настолько привыкли к дикому шуму, а глаза — к многоводью, что в стойбище никто и не говорил об этом. Зато поговаривали каждое утро о том, как быстро убывает вода и вот-вот станет на меру.

Чем больше обсыхали затопленные половодьем берега, тем сильнее Рауля подмывало желание выехать на Байкит за покрутой. Топко сверх обыкновения стал мало спать. Он несколько раз пробовал с берез обдирать кору, чтобы для поездки на фабрику поскорее смастерить берестянку. Но было еще рановато: кора от древесины еще не отопрела.

— С мерзлого налима хорошо сдирать чуть отогретую кожу, береза же не налим, — вышучивал Бали нетерпение Топко. — Ты подожди, не мучайся. Когда я услышу, что пикнул первый комар, я скажу тебе: Топко, дери скорее бересту на лодку! Кора на деревьях отстала.

— Я сдеру раньше, — отшучивался Топко. — Я наперед комаров увижу желтенькие цветы.

— Вот, вот! — смеялся Бали. — Желтенькие цветы появляются враз с комаром. Жди их.

Приходилось ждать и поневоле томиться на Янгото. Без лодки не сунешься на дальний Байкит.

Сауд городил заездок, чтобы лето не сидеть без рыбы. Он с утра до ночи булькался в воде, ставил козлы-треноги, прикручивал к ним

Берда – загородка из тальника и
лиственницы.

Леторосник – годовой побег
деревьев или кустарника.

леторосником поперечные следи, укреплял *берда* и перегораживал ими речку. В самом бойком месте устанавливал плетеное подвесное корыто, которое можно поднимать и опускать, если это потребует прибыль или убыль воды. Сауду помогал Бали.

Дней восемь прожили они вдвоем у открытого костра и забыли про чум. Им обоим хватало заботы.

— Теперь мы, дедушка, с рыбой, — сказал весело Сауд, отжимая в руках мокрые обутки. — Посмотрим, с чем-то вернутся с Байки-та наши купцы? Я принесу из корыта хариусов, ты их жарь, ешь, а я пойду на стойбище, соберу оленей и к утру перекочует сюда. Дров тебе хватит. Поводливый останется с тобой. Когда вернусь, начнем делать берестянку.

— Иди, мужичок. Я отдохну маленько под елью. Лохматая ель — лучше плохонького чума. Ливнем ее не промочит, солнышком не прогреет. Хорошо. Табаку только нет. А одному курить больше охота. У Топко просил, не дает. Тут трубку на беспокойство подарил Лилиуль. — У Бали не вышла улыбка. — Э, ладно! Для веселья буду готовить тебе для лодки шпешки, жемки-собачки. Ты дай мне топор.

Сауд подал старику топор, принес из ловушки свежую рыбу и ушел. Ему хотелось застать отца в чуме, чтобы послать с ним на факторию три шкуры сохатого дедушке на табак, матери на спички и себе на провиант. Без остального они обойдутся. В тайге — звери, в воде — рыба, в земле не хуже хлеба — сарана, под корой сосен и берез на древесине — густой, сладкий сок; мягкая замша не хуже мануфактуры. Зачем им лавки русских баев?

Из-под ног Сауда, хлопая крыльями, вылетела с насиженного гнезда вспугнутая рябушка.

— Славный выводок будет, — окинул он глазом полную кладку яиц и поспешил скрыться.

24.

По легкому почину Калмакова многие повели в тайгу тропы-временки, облюбовали на Катанге под торговые заимки места и строили низкие избы. Сбивали в них глиняные «русские» печи, отгораживали углы под лавки. К одной из наружных стен прирубали встык мучную амбарушку и на отлете строили жаркую баню — «куражить душу».

Все эти, часто одинокие, поселения ничем существенным не разнились от калмаковских торговых факторий. Те же топорные слепооконные постройки, те же товары, водка, такое же грабительское обращение в покруте с «юртенной тварью». И везде эта «тварь» — неприкосновенная собственность владельца заимки.

Ее — эту «тварь» — можно делить по-соседски, пропивать и проигрывать в карты. Для самозащиты и большей вольности купцы подбирали надежную силу. Уголовные отбросы Приангарья нашли неожиданный спрос. Поселенцы-«мокрушники», у которых в трудную минуту не дрогнет рука, оказались нужными людьми. Условия найма делались устно.

В тайге установился нигде не писанный закон: «грабь тварь свою, не шевели моей!»

Фактории Калмакова оплетали десятки торговых заимок. Конкуренты пересекали кочевые тропы и ощипывали «тунгусишек» на подходе. Это приводило Калмакова в звериную ярость.

— Ых, пар-разиты! — надрывался Калмаков. — Не я буду, если не пооборву кое-кому головы. Жужжите потом мухами, беспатентная шантрапа! Вытряхну кое-кого из штанишек, пойдете по миру с «грехом» наружу.

Однако предупредить насильственные вторжения на Катангу купцов-ангарцев он не мог. Связывала его по рукам Панчино-Преображенская дорога, которую достраивать стал бы только глупец. Как при таком положении сунешься с донесением о бесчинствах конкурентов к его превосходительству? Лисиц он взял, но кто ему помешает запросить у волости отчет о состоянии пути? Никто. Запросит, вскроет обман и тогда?..

Калмакову вовсе не хотелось возами отправлять взятки «их благородиям». Он решил наводнить своими торговыми точками тайгу, пришибить рублем мелкого конкурента, очиститься от «гнид» и после окупить с лихвой все затраты по ненужным постройкам.

Осип Васильевич верил в свои расчеты и ни на минуту не сомневался в успехах.

На развертывание торговой сети понадобится много средств. Что же: можно потребовать у Тонконогова увеличения кредита и продлить сроки платежей. Калмыков ему должен, тем лучше. Тонконогову нельзя будет пренебречь долгом и потерять крупного поставщика пушнины. Наконец, что стоит женить сына Ермила на дочери заледеевского купца Чабунова и по родственному получить от него денежную поддержку! Чабунов хранит при себе золото насыпью в ведерных котлах. Он скуп, но... скупые дураки идут на повышенные проценты, попадают на лесть, как жирные осетры на голые переметные уды.

Этим летом, когда Калмаков закладывал новую факторию на Ванаваре и строил планы по захвату речек Кулинды, Панолика, Воскобы, Таимбы, селенгинский купец Григорий Харлашенко, разнюхав о пушных богатствах Байкитского района, Калмаковским трактом выехал по последней санной дороге на факторию Горницы, по-

строил там илимку. Сразу же за льдом он столкнул илимку в воды Катанги и под собственной командой повел ее вниз.

Харлашенок пристал в устье Байкита. Он не спрашивал позволения на въезд у наместника калмаковских торговых владений Игнатия Федоровича и начал выгружаться. При встрече с Игнатием Харлашенок пошутил.

— К жилому месту пристать лестнее, чем к пустоплюсью.

— А ты кого спросил здесь селиться? — крикнул Филька Голенков, беловолосый великан, подручный Игнатия.

— Бога спрашивал. Молчит — значит, ладно. А ты что: горловые получаешь? — насмешливо ответил Харлашенок и гаркнул: — Эй, челядь! В топор! Вали подряд лес, катать в сруб. Избу выстроим, а в баньке попаримся у Игнашки.

— Угоришь, смотри! — Голенков вытащил из кармана большие волосатые руки.

— Угарно будет, выздаем, Филя. Вот так, — и Григорий одной рукой поднял кверху за опояску сухонького плотника. — Гляди. Что нам угар?

Раздался дружный хохот артели. Кто-то сказал:

— Такому хозяину легко услужить, страшновато не потрафить. Ядреного дядьку согнет лучком.

Харлашенок, довольный похвалой, опустил на ноги мужика.

Хвастовство Харлашенка задело Фильку.

— Это только? — скривил он рот.

Слетела на землю подрубленная строевая лесина. Он мигом нагнулся и приподнял комель на пень. Все переглянулись.

— Ну, а ты, Игнатий Федорыч, что не хвастанешь своей могучностью? — прозубоскалил Харлашенок. По бороде-то ты, однако, силен?

— Чо мне срывать понапрасну пуп. Мне-ка хватает силы Филиппа. У меня сила тут, — Игнатий для забавы снял шапку и пошлепал себя по лысине. — Сила во мне бабья.

Голенков молча ушел в избу. За ним последовал Игнатий. Харлашенок призадумался: мыться ли, не спросясь, в чужой бане? Он все-таки решил срубить свою баньку и непременно переманить Фильку к себе в пособники.

Поодаль от калмаковского «заведенья» на плоском отмете прибрежных гор, рассеченных Байкитом, к комариной поре белела свежими стесами топорков древесина построек Гришки Харлашенка. Подгулявшая артель впряглась в лямку и потянулась с илимкой вверх по Катанге. Бечева катилась по вершинам тальников и вытрясала из них птиц-мелюзгу. Григорий Харлашенок сидел на крыше илимки. Он провожал артель и заодно осматривал берега.



Д. Каратаев. Зимник. Ю. Чехлоневы.
Бумага, акварель. 1928 год.
(из фондов КККМ)

Шитик – небольшое плоскодонное парусное судно (до 10 м), части корпуса которого сшивались ремнями.

Он думал проехать выше Чуни и оттуда поплыть на Байкит в маленьком *шитике*, что шел под бортом илимки. Вышли к Чуне, секущей своим многоводьем Катангу. Харлашенок увидел буйные травы, которых было достаточно, чтобы накопить в будущем сена для двух-трех коров. Он дал подрядчику короткий наказ оставить илимку на зимовку в Тэтэрэ и вручил ему письмо-распоряжение домой. Затем последовал прощальный салют из ружей, и подхватило Харлашенка быстрым течением.

Григорий вглядывался в ущелье Чуни.

«Неужели помаячило? Не должно бы: ясно видел, как взблескивали на солнце мокрые весла».

Григорий встал на ноги. Вблизи послышался разговор эвенков:

— Новый какой-то?

— Старый! — ответил Харлашенок на их наречии. — Глядите, какая у меня борода!

Из-под тенистых тальников враз выплыло четыре берестянки.

— Я думал, ты — Калмаков. Ты выше Топко. Он говорил, Калмаков большой.

Мороненок смело зацепился ногой за деревянный борт шитика, чтобы спаромить лодки.

— Я тебя не видел. Ты кто?

— Я Гришка — купец. Покручать народ буду. Пойдемте ко мне в лавку.

— Смотреть сперва будем. Табак есть? Гости.

Харлашенок достал кисет. Кисет пошел по рукам. Берестянки подносило течением к Байкиту.

— Моя изба, — показал Харлашенок на новую крышу. — Там покручаться будем.

Рауль поднял скрепу-весло и осторожно оттолкнулся. За ним проделали то же Топко, Арбунча, Мороненок. Берестянки расплылись врозь, как распуганные утята крыльями, взмахнули веслами и помчались на факторию. Харлашенок плыл за ними.

— Эй, друзья!.. — крикнул он вдогонку. — Ко мне идите за покрутой!.. Гости-ить буду!

Рауль с Топко прошлый год покручались у Калмакова. Они хотели сначала побывать в его лавке у Шагданчи и только потом сходить к Гришке. Кто им помешает это сделать? Худо встретит Шагданча — недалеко уйти к новому другу.

Харлашенок сбросил с мокрой головы картуз. Он из всех сил черпал веслами воду, чтобы догнать эвенков хотя бы на берегу. Гаркнуть подручных Кузьку с Якимкой, подхватить пушнину, охотников под руки и... Харлашенок оглянулся и не верил глазам: Игнашка с Голенковым проделали то же самое раньше его.

Кузька с Якимкой стояли в стороне и не знали, что делать. На них рывкнул Харлашенок:

— Что вы, поскуды, стойте!

Кузька схватил у Топко шкуры сохатого. Голенков кинулся отнимать.

— Якимка, помогай!

Голенков отступился.

Кузька с Якимкой понесли в избу три шкуры и турсук белки. Топко не знал, куда идти. В руках его оказался чужой турсук с белкой.

Гришка пристал выше устья Байкита, выскочил из лодки, перебрел речку и подбежал к Топко.

— Друг... идем ко мне... Хорошим вином... гостить буду. Идем!

На своем локте Топко почувствовал сильную руку Харлашенка, посмотрел с грустью на Игнашкину избу и нехотя пошел рядышком с Гришкой в гору.

— Эх! Рот-тозеи! — выругался Харлашенок. — Так работать будем, наживем пожитку — кляп да нитку. Видели, я тороплюсь, ну и хватали бы турсуки... Садись, друг. Баба, давай, потчевай гостя.

Топко неловко было одному в новой избе среди четырех незнакомых русских. Уйти к Шагданче, где были свои, он тоже не решался.

Держала пушнина. Он потихоньку покашливал, тоскливо поглядывал через окошко на Катангу, красную от заката.

«Хотя бы один кто пришел сюда, — думал Топко. — Как я отбилсь от них?»

Харлашенок спрятал шкуры и турсук с белкой. Топко волей-неволей пришлось ждать угощений с покрутой у нового «друга». Однако он вспомнил, что шкуры — Сауда, а белка — Рауля. Топко об этом рассказал Харлашенку.

— А где твоя пушнина?

— Утащили к Шагданче.

— Утащили? Но ничего, потом за ней сходишь. Гостись пока.

На пороге показался Голенков.

— Григорий Харлампич, твои ребята утащили турсук не этого тунгуса. Я пришел за ним.

— Турсук нес я, отдавать его буду не тебе. Не мешай мне заниматься делом. Если в тебе моя избушка, переходи на работу.

— Разговор этот побережем для другого раза. Топко Иванович, — Голенков придумал эвенку отчество, — пойдём к Шагданче в избу гостевать.

Харлашенок прищурился и всей пятерней указал Голенкову на дверь.

— Пошли ко мне Игнашку для разговоров. Не пойдет — скажи, что за такие дела я ему охотно прибавлю плешины. Пусть он принесет турсук с пушниной Топко. Он хочет сам у меня покручаться.

— М-м! Ладно!.. — Филипп попятился из избы.

Топко мало понял, о чем говорили русские, но заметил их ссору по недобрым взглядам.

Филька ушел. На столе стоял помятый, запаянный самовар, в тарелке искрилось талое масло, лежала большая булка хлеба и кусок рыбы. Харлашенок угощал Топко, улыбался, улыбалась баба, скалились у дверей бельшезубые парни.

— Масло ешь, губы будут мягче! — говорил весело Гришка.

Гришка знал много эвенкийских слов. Топко, слыша их, начал чувствовать себя лучше. Когда же Харлашенок угостил его спиртом, Топко стал смеяться, поплевывать и сам назвался Харлашенку в друзья.

— Масло едаем, пирт пиваем — друг ставаем. Другой разу пьем — век друг!..

Топко растолмачил Гришке, что теперь не только он сам ему друг, а все — Рауль, Мороненок, Арбунча и Дулькумо с сыном — такие же верные друзья Харлашенку.

Григорий не расплескивал напрасно чистый спирт. Он умело смачивал Топко губы и согревал в нем веру в свое гостеприимство. Пусть Топко один съест всю прикормку, зато он приведет за собой эвенков. Заведутся помаленьку друзья.

Правее сопок Едо в таежные кудлы вплеталась розовость утра. Через окно заря раскрасила в лавке товары. Их видел Топко через дверь. Но ему было не до них. Ноги его подогнулись, тело распустилось сыромятью, в ушах шелестело.

В избе Харлашенка наступила утренняя дремота. У дверей сторожил Кузька. За ним поглядывал из калмаковской избы Филька Голенков. Над Катангой плавал зоркоглазый орлан-рыболов.

Игнатий Федорович спал мало. Харлашенок перехватил эвенка. Это досадно. Угроза Гришки беспокоила. Змея иметь по соседству — не радость.

— Слушай, Филипп, не отдадим мы этому гаду, Гришке, ни одного нашего эвенка. Жаба поселила его на застроенном месте.

— Что же, Игнатий Федорович, на кулачку идти? Они нас с тобой перебьют...

— Припугнуть тунгусишек надо, чтобы они помнили наперед дружбу, — подсказал Игнатий Фильке.

Проснулся Мороненок. Он растолкал Рауля с Арбунчей. Полушепот русских стих.

— Ставайте, пойдем смотреть Гришкину лавку. Где Топко?

Последние слова Мороненка слышал Шагданча.

— Зовите Топко ко мне гостевать, — сказал он. — Гришка морил его.

— Может! — и Мороненок, зевая, поглядел в окно, в сторону новой избы. — Ха-ха! Смотрите... Смотрите... Лю-юча!

К избе приближался сияющий Топко. Он был наряжен Харлашенком напоказ. На ногах блестели лаковые голенища сапог, синели с напуском поношенные суконные штаны. Топко был в красной шелковой рубаше, поверх которой красовался заштопанный директорский сюртук с бархатными петлицами и гербовыми пуговицами по бортам. По пятам стегали зеленые кисти гарусного пояса. Голову прикрывал блином казачий картуз «бескозырка».

От Топко пахло табаком и водкой. Арбунча, Рауль и Мороненок завидовали его наряду.

— Пустите, князь пришел! — крикнул Шагданча и потянул Топко к столу угощать. Топко выдернул руку. Он позвал своих к Харлашенку.

— Лавка у Гришки — солнце!..

В воображении эвенков замельтешили невиданные товары.

— Пошли! — сказал Мороненок. — Топко, веди нас.

Филипп ждал, что ему прикажет делать хозяин. Хватать ли за шиворот соблазнителя, подпереть ли дверь и разом задержать всю «тварь». Однако Шагданча стоял молча, и Фильке пришлось пропустить мимо себя эвенков.

— Ты что, Игнатий Федорович, этих тоже решил подарить Харлашенку? — спросил Голенков.

— Пускай сходят. Попьют, пожрут там, а за покрутой придут ко мне. Белка-то у нас.

— Так-то разве!

Игнатий хитро улыбнулся в бороду.

Харлашенок распахнул настежь дверь и на пороге с бутылкой рома в руках встретил друзей. Он был весел, приветлив. Пусть он не получит в этот раз от эвенков пушнину, захваченную Игнашкой, но все равно будет их покручать. Даст много в долг и этим заставит рассказывать в тайге о себе. Довольные эвенки разнесут по кочевьям добрую весть и потянутся со всех троп в его лавку. Приехал на Байкит он не на день. Своей белки дождется.

В щегольском наряде Топко чувствовал себя необычно. Сапоги жали ноги, сюртук был тесен. Но он терпел. Поважничает, походит здесь, на фактории, покажется таким в чуме и отдаст потом все сыну Сауду. Вспомнив о сыне, Топко вспомнил его наказ:

— Друг, — сказал он Гришке, — сохатиные шкуры тебе другой люди через меня давали. Ты тот люди маленько давай табак, серянка, правка...

Кузька учил эвенков играть в карты. Он их обыгрывал, бил Арбунчу по носу. Арбунча жмурился, Рауль с Мороненком хохотали до слез.

Потом пили вино, ели. Потом тянулись на пальцах. Когда Рауль перетянул Мороненка, тот разгорелся и вызвал его тянуться за волосы. Пьяненький Топко пел:

*Сын мой Сауд —
Хороший стрелок.
Я не умею так.*

Накрапывал дождь. Потемнело небо, потемнело в избе.

Топко вдруг вспомнил о покруте. Он послал молодых парней за пушниной к Игнашке. Рауль идти один струсил. Тогда поднялся Мороненок.

— Пойдем. Я тоже покручаться тут буду.

Арбунча понимал, что и ему нужно идти за своими турсуками к Шагданче, но он боялся встать. Пол качался под ним.

— Яким, сходи с ним. Поможешь притащить турсуки. В избу сам не лезь.

Мороненок пришел к Шагданче за своим добром. Кого ему бояться?

— Шагданча, давай белку!

— Куда тебе ее?

— Гриске. Покруту делать.

— Топко пуснина давай, — добавил Рауль.

— Фю-фю! — свистнул спокойно Игнатий. — У Гришки торговать наличными, а мне долги квасить?.. Никому не дам белки!

Яким заглянул в дверь. Это взбесило Игнатия. Обозлился, прикрикнул:

— Пособника привели? Пошли все от меня к черту! А ты там тоже не пяль харю. Живо заставим целовать икону святого чалдона.

Голенков пошел к дверям. Якимка подался за косяк и отбежал подальше от избы. Голенков подошел к пню.

— Не убегай. Не за тобой, по своему делу вышел. Заяц! Дождевого шуму боишься.

— А чо ты мне? Не за твоим пришел, не на тебя лезу. Велит хозяин куда — иду. Сейчас пришел по своей воле, так просто...

— То-то! — крикнул Филипп. — Разбудила сволота! Шарашатся. Век дня не знают.

Напрасно Харлашенок готовил в лавку пятилинейную лампу. Зажигать ее не пришлось. Эвенки от Игнашки вернулись без пушнины. Разгоряченный Мороненок отрывисто рассказал Гришке об отказе и о ругани Игнашки.

— Пошто так? Брать надо белку. Белка наша.

— Брать! — осмелел по совету Харлашенка Топко. Сношенные каблуки нарядных сапог его застучали по полу. Он шел за белкой один.

Шагданче Топко не должен. Гостевал не у него и дружить с ним не хочет. На что тут сердиться? Мороненок раскуривал трубку. Арбунча из блюдца пил чай. Лил дождь. Волдырилось болотце, прыщевала река.

Кузьма следом за Топко подошел к избе Калмакова и припал к стене ухом, стараясь не пропустить ни одного слова Игнашки, Фильки и Топко.

— А-а!.. И ты притянулась, сволочь, за пушниной, — рывкнул Игнашка, которого Топко убеждал в том, что «покрута брать этот пора Гриски надо». — Я те такую дам пушнину, что и другие забудут, как обманывать меня! Ух, ты, паршивец!..

— Пошто тебе сердит! — горячился Топко. — Сердит да даром. Давай пуснина... Амун!

— Кто-о?.. Филипп, прикрой дверь. Я ему покажу — кто я.

Кузька неслышно перешел к окну. Сквозь мокрое стекло он видел, как Игнашка съездил ладонью по большому лицу нарядного Топко.

— Вот тебе амун! Вот тебе другой...

Топко бросился к двери. Филька, скрючив ногу, пнул эвенка в полный живот. Топко упал на затылок и глухо замычал.

Игнатий подскочил торопливо к Топко. Наклонился, поймал за руку, потряс.

— Друг, вставай. Мириться будем. Филипп, дай-ка чашку вина... Эй, друг!..

— Чо, не хочет? — крикнул из-за окошка Кузька. — Ловко вы его угостили.

Игнатий выпустил безжизненную руку Топко. Филька захлопнул на крюк дверь. Кузька сквозь дождь летел к Гришке с выгодной вестью.

25.

Бали на ощупь отрезал вкось кусок дудки и сделал манок. Закрыл ладонью нижний конец, подул через кромку верхнего среза. Добился звука и передал манок Сауду.

— Так ночью дуди: медведя найдешь скоро. Только тут не пробуй. Услышит, ползет.

Сауд с винтовкой уехал на берестянке вверх по Янгото. Он плыл осторожно, время от времени дудел, прислушивался к тишине ночи, ждал зверя, но из густой таежной зелени на зов его никто не откликнулся. Сауд стал сомневаться: возможна ли охота на медведя с пустой дудкой? И только вера в Бали заставляла его плыть, дудеть, прислушиваться. Ведь дедушка делал манок ему не для забавы.

На пятую ночь Сауд отправился по течению назад к стойбищу. Мимо проплывали тальники, ольховники, рябина. Плыло небо, и он плыл рядом со своим тусклым близнецом-отражением. С плеча Сауда свалился бисерный ремень натруски — подарок Этэи. Он поправил его, вспомнил о ней, вспомнил о Пэтэме. Вдохнул и снова приложил губы к срезу манка:

— Урр! — пропела дудка нежно.

— Уыр! — грубее отозвалось из тайги.

Перекликались, сманивались. Сошлись близко. Медведь лез по кустарнику к реке. Последнее ласковое, призывное «уырр», и кривые лапы с горбатым загривком продрались сквозь зеленый прибрежный заслон прутьев.

Только глупый охотник стреляет в голову. Удар под лопатку надежнее. Раздался выстрел. Потемки опалил огонь. Покатались по тайге отголоски. Медведь припал к земле, то ли затаился — хитрит, то ли зажимает лапами сквозную рану.

Над убитым медведем Сауд не стал совершать кочевого обряда. Он не кричал над ним вороном и не обманывал живую душу, что тело ее добыли птицы; не распирали до отказа пасть особой палочкой с приговором: «Дедушка амикан, ты зевай, зевай!» — а вышел из берестянки и сразу же начал свежевать зверя, как полагалось, с передней лапы. Делая первый надрез шкуры вокруг корковидной ступни и выше когтей, Сауд не задабривал медведя: «Ты будешь

ходить по горелым местам, я тебе оставлю подошвы». Перемахнув ножом сухожилие в кистевом сгибе лапы, Сауд не присказывал, что медведь отлежал ее и по лапе не боль пореза, а муравьи покусывают, бегут. Не вырезывал пахового жира и не расставлял его на палочках с боков против ободранных лап, а просто распорол брюхо и вывалил потроха. В это время сам хитрый амикан спрашивал Сауда, «какие люди обснимывают его». Но и на эту хитрость Сауд хитростью не ответил. Он не клеветал в этот раз ни на остяков, ни на русских, что они сдирают шкуру с медведя, а не он — эвенк, хотя такой самозащитной лжи требовал обряд. Ведь после, когда душа амикана сделается новым медведем, она станет разыскивать убийцу, чтобы мстить всему его народу.

Э, да мало ли каких почестей и хитростей требовала от Сауда добыча мудреного зверя, как оборотня злого шамана! Не упомнишь всех.

К тому же Сауд не боялся его. Старый Бали говорил: «Опасна добыча седьмого медведя, еще опаснее девятого». Он же добывает только второго.

Сауд быстро разнял по частям могутную тушу, погрузил лучшее мясо в берестянку, накрыл его полуголой шкурой от солнца, забросал прутьями кишки и отчалил к чуму. Он радовался, что медведь попал не старый и жирный.

Сколько веселья и людям, и собакам на стойбище привез Сауд! Поджидая Сауда, Этэя забыла подумать о муже. Когда Сауд вернулся с добычей, Этэя не скрывала от него своей радости. На стойбище о нем все наскучались.

Раскинутую на вешале медвежину обклеивали кукши. Они не боялись близости людей, которые сидели возле чумов у костра, обгладывали жирные ребра и с криком «ребро, ребро — стань колодой!» — бросали их через себя. Кости на лету подбирали собаки.

Бали долго обкусывал хрящики вкусной грудинки, остатки же не выбрасывал, а передал Дулькумо и велел ей привязать в чуме к таганному шесту.

Этэя над жаром топила кусок хребтового жира. Когда им наполнится берестяная коробочка, она подаст его выпить Сауду. Для ловца это сделать ей не тяжело.

В котле варилась большая зубастая голова. Пусть она упревает. Остекленевшие глаза зверя вынуты из глазниц, завернуты в траву и похоронены с почестями.

В полдень Дулькумо вынула из котла голову. Принялись за нее. Сытый Бали весело наговаривал медведю:

— Амака, голову твою просит наш маленький сын.

Сауд взял череп, обмотал его в прутья и подозвал к себе сына Этэи.

— Кордон, бери-ка, да поборись хорошенько с амиканом.

Кордон поднял череп, хотел его повалить, но прутья уперлись в землю, и Кордон повалился сам.

— Соскакивай скорее. Борись, не пугайся, — смеялся Сауд.

Кордон заторопился, запутался и снова упал. Все захохотали.

— Ловко поборол! Теперь амикан тебя будет бояться. Ты сильнее его, — похвалил Сауд.

Кордон, готовый плакать от ушиба, сопел.

Сауду нужно было самому отнести череп в лес и так запрятать, чтобы его никто не нашел. Какой охотник согласится терять свое промысловое счастье?

— Дедушка, милый, мы тебя на кедровый пенек снесем, — сказал он костям и понес их в тайгу.

Бали напомнил вслед:

— «Дедушка, голове твоей я нашел чум. Я голову твою повесил на кедровый пенек». — Так скажи, сынок, не забудь.

Этэя проводила его до оленьих дымокуров.

— Сауд, скоро придут с Байкита. Возьми меня с собой.

Прямой, продолжительный взгляд Сауда удержал Этэю у дымокура.

В нетронутых пожаром лесах не трудно найти густые заросли — надежные тайники для своего счастья. Сауд облюбовал молодой кедр, ссек его пальмой на высоте своего роста и закрепил на пеньке череп. Вышел погребальный лабазок, напоминающий воздушную могилу ребенка.

Свистом гоголиных крыльев отдавался в тайге хохот Этэи над Дулькумо, которую свалил на траву хохиль. Дулькумо тяжело дышала. Зато поднялся на ноги Бали и вызвал Этэю плясать с ним. Вот что наделала жирная медвежатина!

— Давай, давай, дедушка, — согласилась Этэя, но увидела возвратившегося Сауда и изменила желание. — Нет, дедушка, я попляшу с Саудом, потом с тобой. Сауд, ты будешь?

Сауд воткнул в землю пальму, стал на шаг против Этэи, заломил руки за спину. Оба впились друг в друга глазами и легко закружились на одном месте. Они враз отталкивались от земли и в воздухе легко ударялись ступнями то правой, то левой ноги.

— Дедушка, вставай со мной на хохиль, — не вытерпела Дулькумо.

— Эко, хохиль! Любил когда-то его. Буду ли дюжить теперь? Не знаю, — Бали примерился к ноге Дулькумо.

Взмахивала ручонками Либгорик: прыгал, разиня рот, Кордон. Мотались полы расшитой замши у взрослых. Казалось, и лес, и чумы, и огонь, и все вблизи подпрыгивало, плавно кружилось.

С неба совиным глазом косился на стойбище молодой месяц.

Как случилось, что Сауд встречал утро в чуме рядом с Этэей? Она его не звала. Уходя от костра, Этэя только посмотрела на Сауда. Он пришел к ней в жилище, как олень к соли. Видимо, искра ее глаз упала на горячий уголь, а тихий ветерок полуночи раздул огонек.

Они не говорили друг с другом. Им не нужны были слова. Сауд гладил руку Этэи, та гладила руку его. Им было хорошо. Звонкий стук весла на реке испугал их.

— Плывут!..

Берестянка причалила к берегу. Из нее выскочил бойкий парень, за ним следом, морщась и держа руку на груди, осторожно ступил на траву Рауль.

— Сауд, выгаци из лодки турсучки, — сказал он. — В вашем турсуке табак Бали и тебе провиант.

— А где отец? Он век позади всех!

Мороненок стоял потупясь. Сауд ждал. Что он молчит? Мороненок развязал гарусный пояс, вздернул вверх рубаху и повернулся к Сауду спиной.

— Видишь — синяк?

— Где упал?

— Игнашка гирей ударил, Раулю попал по руке, расколол кость. Мы пришли, а твой отец остался на Байките. Лодка ему не нужна больше.

— Как?

— Его... убили Филька с Игнашкой.

Мороненок опустил рубашку. Ему хотелось спать. Но спать никому не пришлось. Этэя с плачем пробежала в чум Дулькумо, разбудила ее и прибавила слез.

Бали вышел из чума.

— Эй, мужики! Вы где? Сауд, правда ли, Топко не... не приехал?

— Правда, дедушка. Отцу не нужна больше лодка.

Вытянутая рука Бали застыла в воздухе. Трепещущие листья клали тени на морщины его лица. Седые косицы волос казались налетленным снегом.

— Сынок, я теперь не знаю, куда мне, слепому, идти? — На приподнятый подбородок слепца, ищущего путь к Сауду, натекли две светленькие капли.

Сауд уверенным шагом подошел к нему.

— Дедушка, я вижу, ты плачешь? Не надо... Пусть плачут женщины. Сядем-ка.

Подвернули привычные ноги.

— Не плачь.

— Я это так плакал... За тебя, за Пэтэму, за Топко, за всех, — оправдывался Бали и ладонью растер по лицу слезы.

— Вот я и не плачу, — тяжелая улыбка перекосила лицо старика. — А вернулся бы ко мне свет, из ненужной берестянки Топко я сделал бы добрую растопку, сынок!..

Бали как будто испугался своих слов, замолчал, зато в глазах Сауда мелькнули зарницы и на щеках вздулись крепкие желваки.

В чуме Рауля проснулась Либгорик. Она кричала. Мороненку вспомнился такой же звонкоголосый сын Шильгича, у которого почему-то были разные глаза, черный и серо-собачий, да желтый пучок волос на черном затылке. Кто испортил его?

Вдруг у Мороненка сжались губы. Горящие глаза погасли. Теперь, казалось, он догадался, почему его кроткая, плосконосая Шаргок плакала на Байките прошлую осень. От дурных мыслей Мороненок заскрипел зубами.

— Сауд! — сказал он. — У меня болит бок. Я поеду сейчас на Хаигли, а оттуда, однако, поплыву на Байкит за нашатырем к Гришке. Ты не пойдешь со мной за лодкой отца?

Сауд не колебался, идти ли на Байкит. Бали подсказал ему, что делать с лодкой отца. Мороненок — попутчик.

— Пойдем. Не пропадать же доброй берестянке.

У Рауля нудно болела рука. Он плохо спал. С ним вместе мучилась Этэя, которую он часто будил. На третью ночь, когда Раулю стало совсем невмоготу, Бали посоветовал напарить бопкоуна и напоить больного.

— Хорошая трава, — говорил Бали. — В старину, когда были войны, люди, напоенные бопкоуном, не слышали, как зубами вытаскивали из них застрявшие стрелы.

Послушались, нарвали травы, напоили Рауля наваром. Рауль потерял память. Он не слышал боли, спал долго, как мертвый. Он просил еще чудесного настоя, но Бали не велел больше давать. Долгий сон Рауля напугал его. Сам этой травы он не пивал. Пусть лучше Рауль потерпит. Стон больного не страшнее молчания мертвеца.

В чуме Сауда было не лучше. В ожидании отвального дня на Байкит он спал плохо. Дедушка Бали тоже крутился в постели, будто на муравьице.

Сауд, несмотря на сильный ливень, стал собираться в дорогу.

— На Хаигли я пробуду долго, так вы с дедушкой смотрите без меня заездок. Пошли дожди, вода в Янгото прибывает, понесет хлам, будет залеплять берда. Чистите чаще их, а то заездок сорвет. Голодать будем. Дедушка, женщины не знают наших дел, ты рассказывай им.

— Ладно, мужичок, ладно. За всем доглядим. Только ты догляди в пути за собой. Ты не пойдешь дальше Хаигли?

Сауду показалось, что Бали догадывается, зачем он едет вниз, и ничего старику не ответил. Он поспешил поскорее отчалить лодку.

— Когда ждать? — спросила растерянная Дулькумо.

— Скоро, мама.

Пока лодочка не скрылась за мысом, Дулькумо стояла на берегу под дождем. Дулькумо вернулась в чум. К ним пришла Этэя. Надо узнать, куда Сауд поднял весло. Спросила у Дулькумо, отвечал Бали:

— У лодки путей много, кто знает, куда поведет ее Сауд. Ум держит на Хаигли, к Мороненку.

— А дождь-то какой! — вздохнула Дулькумо.

— Эко, дождь. Дождь — не пули, тело — не вязкая глина. Молодому что непогодь? Легче медведю летом лежать в берлоге, чем молодому сидеть на месте. Вот и поехал. Бали помолчал и добавил:

— Я сам таким был. Бегу, самого зло берет, что тайга широкая, не по шагу, а глазом все увидеть охота. На сердце худо, так в чуме не сиденка. Век бы шел от него. До Мороненка далеко ли? Третья речка от нас. Стоянка у них веселая. У Арбунчи два парня, три девки. Ёхорьё играть можно.

Этэю позвал Рауль. Она ушла недовольная. После нее в чуме долго еще продолжался разговор между Бали и Дулькумо. С уходом Сауда слова да трубки были утехой в их одиночестве... Скука. Когда Рауль перестанет стонать? Скорее бы вернулся Сауд.

Одежда Сауда промокла насквозь. Это не печалило его. Решительность в нем не отмякнет. Берестянке не страшен ливень, как утке вода. За драгоценное сокровище — спички — можно не беспокоиться. Они лежат в сумочке из гагарьей шкурки. Шкурка снята мешком, брось ее в воду — и тогда перо не пропустит в сумку воды.

Дождевые тучи быстро исчезли. Оставшиеся лохмотья их ветер смел за горы. Над Чуней заголубело небо. Под ветром тайга, точно зверь, стрясла с себя дождевую влагу.

В пазухе устья Хаигли, где было стоибище Мороненка, Сауд увидел дымок. Задумался.

Не забыл ли он о своей обиде? Может, отдумал плыть на Байкит?

Сауд пристал к берегу. Хотел идти к чуму, но вдруг над высокой травой поднялась косматая голова Мороненка.

— Что, лодку лечишь?

— Хо! Ты как тихо подкрался? — обрадовался Мороненок Сауду. — Я только что глазами искал тебя. На реке не было никого. Где ты плыл?

— У бережка утенком тянулся. Лучше — не выглядит тетеревятник.

— Хитро!

Оба засмеялись. Мороненок присел в траву, чтобы снова искать ртом дыру на берестянке. К нему подошел Сауд.

— Отдохни, товарищ, — сказал он. — Зачем тебе нужна на ночь лодка?

— Дождь был. Вода прибывать станет, рыба на берег полезет. Хочу заметить сети. На Байкит в дырявой лодке тоже не поплывешь. Будешь холки мочить только.

— На Байки-ит? — Сауд удивленно посмотрел на Мороненка. — Я вижу, у тебя не прошла охота у Игнашки просить нашатырь?

— А ты что?.. отдумал идти за лодкой отца?

От мокрого кожанчика холодило. Начала мерзнуть спина. Сауду хотелось взяться за весло и гнать по воде на Байкит берестянку быстрее раненого крахаля. С лица сошла насмешка. Он не хотел больше испытывать Мороненка. Посоветовал бросить починку лодки и ехать с ним в одной.

— В два весла будет легче возвращаться по Чуне с Байкита. Если там найдем лодку отца, приедем в двух. Поклажи у меня никакой.

Мороненок отбросил в сторону из руки потухшую головешку, которой хотел, придувая, растопить на швах лодки еловую серу. Зачем Сауд говорит ему о нашатыре? Он идет на Байкит вовсе не за лекарством. Бок у него зажил, и теперь он на другое способен. Он долго на солнце квасил олений жир и им отравил пули. Об этом не знает Сауд. Он думает только о никому не нужной берестянке. Мороненок сказал прямо:

— Сауд! На Байките я стану промышлять Шагданчу. Будешь ли ты помогать мне караулить этого «лючу-таргачину?»

Сауд не квасил на солнце оленьего жира, у него нет в гагарьей сумочке яда, но на Байкит он едет тоже не за лодкой отца. Мороненок ему попутчик неплохой.

— Давай, собирайся. Поедем!

— Хэй!.. Дядя Арбунча! — крикнул Мороненок, бросая в берестянку сеть. — Я поехал.

Сауд положил позади себя в корму коротенькую винтовку Мороненка. Руки крепко зажали весла. Зажурчала вода.

Кривоногий Арбунча не скоро вышел на опушку леса. Он посмотрел в обе стороны на тугую, как кожа на бубне, воду Чуни, махнул досадливо рукой и вернулся к чумам.

Далекий плавеж по Чуне сблизил Сауда с Мороненком. Сауд рассказал ему про покруту на Туруке, про удар в голову, про Пэтэму. Мороненок повторил рассказ о том, что покручались они на Байките, и добавил:

— Сын мой не мой. Я был пьяный, мою Шоргок Игнашка поймал у бани. Она кричала, а я... — Мороненок пригоршнями стал жадно пить чунскую воду.

В далеком распаде речки Доран лежал хребет Уро, который со всех сторон, как рыжую мать щенята, сосут одиннадцать речек. Вскоре за ним показалось устье Бергимы.

— Отсюда пойдем напрямик. Тут пеший ход. Приворачивай.

— Кто не знает этого? — ответил Сауд. Только нам тихонько лучше подойти к Байкиту рекой. Западем в лес, все выглядим ночью. Кто есть на фактории за покрутой, подождем, когда уйдут.

— Рекой скорее встретим людей, — нетерпеливо говорил Мороненок. — Через Бергиму пройдем незаметно лесом. От Бергимы до самого жилья лес. Скрадывать хорошо.

— А собаки? Они близко не пустят. Людей на реке увидим далеко. Встретится кто, язык слова найдет. Худо будет, пойдем покручаться. Со мной соболю.

В устье Бергимы остались за крутым поворотом мысов. Показалась Катанга. Пошли тихо, под бережком. Молчали. Всюду, бултыхаясь, плавила рыба. На воду падала пеплом поденка.

До Байкита оставался последний прилук. Больших сумерек на реке еще нет, берестянка пристала к тальникам. Сквозь них видна крыша Игнашкиной лавки.

Мороненок выцелил ее глазом. Он нетерпеливо ждал, когда Сауд снова оттолкнет берестянку.

Но что это? К Катанге сбежались русские. Принесли что-то большое на палке. Бросили на доски, отдалось за рекой. Говорят, бормочут, потом все стихло. Закричали по-птичьи на уключинах весла.

— Пи-ик!.. Пи-ик!..

— Плынут... к нам. Ты видишь? — шепнул Мороненок. — Что будем делать?

Когда дощатая лодка обогнула галечную косу при устье Байкита, Сауд сосчитал находящихся в ней людей.

— Ты помнишь, сколько живет здесь русских?

— Семь: две бабы, пять мужиков.

Сауда бросило в дрожь. Ему не верилось, что в избах никого не осталось. Собаки и те бегут берегом.

— Давай назад. Тихо.

Запрятали берестянку в густой, темный ельник. Там — ночь. Трещат крыльями мыши-летяги.

Лодка дошла до покинутого мыска. Пристала. Высадились четверо, остальные отчалили за реку. На веслах Филька. Игнашка выметывает из лодки невод. Гришка орудует с кормы. Мороненку хочется обежать по лесу, выделить Игнашку и пустить в него отравленную пулю.

— Идем! — шепчет Сауд.

У обоих опять дрожь в теле. Они быстро уходят от берега в лес. Идут осторожно. Не щелкнет под ногой сучок, не качнется веточка. Вдали чуть слышен скрип весел. Бегут по подгорью. Вжимается влажный мох. Шипит, чумкает под ними вода. Шуршат на груди у Сауда в коробке спички. Впереди, за болотистым чахлым лесом —

черная кайма высокого ельника. Он завернул от Катанги на пол-ночь, идет в распад речки Байкита и заслоняет постройку.

— Тут озерко, — шепчет в спину Сауда Мороненок. — Иди левее, к реке.

Вот и черный, высокий ельник; вот и ямы — провалища от древних остяцких землянок, вон и обе лавки на расчищенном немного бугре за узеньким Байкитиком. Широкая Катанга... Утесы... Прислушались. Никого. Надсадный скрип весел вдали. Перебежали вброд Байкитик. Вышли по тальникам к постройкам.

Сауд вспомнил речку Туруку, Калмакова, Пэтэму, винчестер, Игнашку, отца...

— Которая изба Шагданчи? — спросил он, дрожа, Мороненка. — Я ее подожгу.

— Вот та, эта Гришкина.

— Будем палить обе. Скорее!..

...Раскрыты двери. Пылают костры среди изб. Запахло крепким дымком. И заскакали по избам огневки-лисицы, красные колонки, белки-горявки.

Игнашка замечтал четвертую *тоню*. Григорий держал руль за реку. На этот раз они хотели как можно больше захватить неводом реки и вышли на весь неводной *кляч*. Харлашенок повернул лодку по течению и увидел свое торговое заведение. Его удивила зарева краснота окон. «Откуда ночью зря?» Привстал на корме — и не обманулся. Дразнясь, через паз выскочил узкий язык огня, заломился кверху, лизнул бревна, крышу.

— Ой, край нам! — крикнул Харлашенок. — Горим!.. Кто оставил в избе непогашенный дымокур? Кто? Батюшки, Филя, гребни сильнее!..

Брошен невод. Крик. Пронзительный частый писк на уключинах.

Напуганно, встревоженно отзывалось людям таежное эхо.

Показалась пристань с протоптанной змейкой-тропинкой в траве, по которой десять дней тому назад выходил Арбунча.

Завидя свое стойбище, Мороненок положил поперек берестянки двустороннее весло.

— Вот когда у меня перестало жечь тут! — он прижал руку к груди. — Ты сильно бежал от Байкита.

— Не по твоим ногам, что ли? — голос Сауда охрип от долгого молчания.

— Да-а! Маленько не по моим! — согласился Мороненок и тут же, погрузив в воду свое бесшумное веслышко, передал голосом скрип русских весел.

— Пи-ик! Пи-ик!

На крик из леса выбежали на Чуню Шаргок, Арбунча, девки, парни.

Тоня – место на реке, на котором производится лов рыбы неводом.
Кляч – шест для крепления невода.

— Что долго? — Арбунча присел на корточки.

— Ты бы не скорее нас сходил на Самашик, — ответил бойко Мороненок. — Рыбы там!.. Болтают, белка идет на полночь. Напрасно мы здесь чумищем стоим.

Сауд застыдился слов Мороненка. Опустил голову. Ночевать здесь он не будет, пойдет в свой чум. Там он расскажет тихонько Бали о пожарище на Байките, поднимет седла и откочует в сторону от него. Уход по голу — незаметней проследье.

— Друг, — сказал Мороненку, прощаясь: — в красный лист ты можешь встретить меня за гольцами на речке Иной. Зимовать буду у гор Ромо. Найдешь ли ты дорогу ко мне?

— Хэгэ! — мотнул головой с берега Мороненок. — Отсюда на Иную попадать мне будет прямо через голец Урами. С гольцов-то я издалека увижу зарево твоих костров.

Сауд оттолкнул хрупкую берестянку веслом. Он торопился к утру успеть на Янгото, чтобы поднять на оленей седла и отвалить в большой аргиш.

Восточная Сибирь, 1933 год.

ЭВЕНКИЙСКИЕ СКАЗКИ





Варгин Нячча-тоэй-мат. Селькупы.
Бумага, акварель. 1922 год
(из фондов КККМ)

О ЛЕСЕ И ОБ УТЁСАХ

Амака сделал камень, дерево и велел им расти. Высоким стал камень и говорит дереву:

— Мо, ты видишь, какой я большой? Потом я стану не меньше самого Амаки.

Выслушало дерево камень-утес и сказало:

— Я стану не ниже тебя, Хишаль. За мою вершину будут задевать тучи.

Амака услышал хвастовство, подошел к камню и сказал ему:

— Хишаль, ты хочешь стать больше меня. Это не плохо. Только ты станешь тяжелым и раздавишь сам себя. Это худо. Падая, ты поломаешь лес. Чтобы так не случилось, я лучше покажу тебе твой рост, — и все лишнее с камня Амака смахнул рукой. — Вот таким ты, Хишаль, будешь века. Как только вершина твоя станет отрастать выше, она будет рассыпаться сама.

Амака подошел к дереву.

— Мо, ты хвастало стать выше туч. Это плохо. Тебя будет сильно бить ветер. Корни тебя не удержат. Ты упадешь, передавишь людей и оленей. Вот тебе твой рост. — Амака захватил в руку ветви и, постепенно сжимая пальцы, провел рукою от комля к вершине и все лишнее оборвал.

— Таким ты будешь века, — сказал Амака дереву. — Если же будешь перерастать себя, ты будешь само сохнуть с вершины.

С той поры большие, переросшие утесы разваливаются сами собой в мелкие россыпи, а переросшие деревья сохнут с вершин.

БОГАТЫРЬ МАНИ И ХОГЛЕН

Богатырь Сохатый-Хоглен похитил на земле день и побежал с ним по небу. На земле стала ночь.

Мани надел лыжи и пошел добывать Хоглена. С ним был добрый лук и две большие стрелы.

Долго гнался за Хогленом Мани. Он сильно бросал лыжи вперед и оставлял за собой широкий след. Мани приблизился к Хоглену, пустил в него первую стрелу, да потемну промахнулся. Мимо стрела пролетела.

Бежит по небу Хоглен с похищенным днем, гонится за ним Мани. Долго бежали. Мани поравнялся с Хогленом, забежал сбоку, натянул до уха тетиву и остановил его меткой стрелой.

Отнял Мани у Хоглена день и понес день на землю. Он шел с ним к земле столько же (времени), сколько гнался по небу за Хогленом.

С тех пор Хоглен (каждый вечер) похищает с земли день и убегает с ним на небо. Но каждый раз Мани встает на лыжи, ровно в полночь догоняет его, пересекает путь Хоглена стрелами, отнимает у него день и приносит его на землю.

ПРО ГАГАРУ

Амака сделал воду и пустил на нее птиц. Птицам плодиться нужна была земля. Амака призвал к себе гагару и сказал:

— Укон, ты умеешь нырять лучше всех. Ныряй и со дна достань мне песку, а я сделаю из него землю (сушу).

Гагара нырнула, достала песок, но не отдала его Амаке. Она сама хотела сделать землю. Амака рассердился на гагару. Он позвал к себе гоголя и сказал ему:

— Момуро, ты умеешь нырять хорошо. Достань мне со дна песку. Из него я сделаю землю.

Гоголь достал из воды песок и отдал его Амаке.

Амака сделал землю, поймал гагару и наказал ее. Он вырвал у гагары ноги из живота и воткнул их к хвосту, чтобы она не умела ходить по земле, а голову гоголя украсил длинным перышком.



ГДЕ ЭВЕНК НАШЕЛ ЖЕНУ ПЕРВУЮ

У солнца не было жены. Оно вдовело. Жило со старым отцом-месяцем и красавицей дочерью.

На красавицу стал заглядываться молодой эвенк. Когда солнца не было в чуме, парень пришел к ней. Засиделись.

Возвратилось солнце на стоянку. Некуда стало парню бежать. Спрятался.

Солнце вошло в чум, слышит — худой запах в жилище. Спрашивает дочь:

— В чуме у нас чем-то нехорошо пахнет. Ты не знаешь, чем?

— Нет, — соврала та.

Солнце стало искать в чуме и по запаху нашло парня. Рассердилось солнце на красавицу дочь и выгнало ее вместе с парнем. Так и стала у эвенка красавица жена.

Солнце же с седым отцом-месяцем откочевали в небо и аргигшат по нему одинокие.

СОЛНЦЕ, МЕСЯЦ И ЗВЕЗДА

Давно на земле жил человек по имени Дэляча. У него была жена Бэга и маленький сын. Однажды они навьючили оленей и пошли на новые места. Дэляча налегке уехал вперед, а Бэга по его следу вела караван. На втором олене сбоку висела зыбка, в которой и кочевал маленький сын. Дорогой Дэлячу повстречала Ошикта.

— Дэляча, ты почему едешь один? Подожди жену, — сказала Ошикта.

— Бэга мою дорогу найдет. Она умеет хорошо выслеживать меня. Зачем ее ждать?

— Тебя найти нетрудно. Но у Бэги ребенок и много оленей. Одной ей идти тяжело.

Дэляча попросил Ошикту сходить к Бэге и сказать ей, что он скоро остановится и будет делать чум. Ошикта пошла навстречу к Бэге. Когда она подошла к ней, то Бэга сидела, склонясь над зыбкой, и плакала. Ошикта сказала:

— Бэга, почему ты сидишь и не идешь к мужу? Он тебя ждет. Ты над чем плачешь?

Бэга рассказала Ошикте, что она забыла на старом чумище свою сумку с ножами и разными скребками для выделки кож и ходила за ними обратно. Пока ходила, зыбка с ребенком оборвалась, упала на землю. Тут олени ходили. Зыбку вместе с ребенком они и растоптали...

— Куда я пойду теперь с мертвым ребенком?

У Бэги было большое горе. Она не двигалась с места. Дэляча, не дождавшись жены, вернулся к ней. Бэга заплакала еще сильнее.

— Пойдем к доброму Амаке, — сказала она мужу, — понесем к нему нашего сына. Попросим его: может быть, он исцелит нам ребенка.

Дэляча повел оленей, а Бэга понесла на руках в зыбке сына. До Амаки идти не близко. Бэга от ноши устала и сказала мужу:

— У меня нет больше силы. Мне не донести зыбку до Амаки.

Тогда Дэляча попросил Ошикту, чтобы она помогла его жене нести зыбку с растоптанным ребенком. Ошикта согласилась.

— Я поведу оленей, а вы несите сына, — сказал Дэляча. — Мы сходим к Амаке на небо и оттуда все четверо вернемся обратно.

И они пошли к Амаке на небо. Идут много лет: Дэляча идет впереди, а следом за ним Бэга с Ошиктой несут в руках зыбку с растоптанным ребенком. Их каждый день и ночь видать в небе. Утром Дэляча поднимается на гору и весь день идет в небо, к вечеру он переваливает через хребет, опускается вниз и его не видать. Зато поднимаются на гору измученная горем Бэга и ее помощница Ошикта. К утру, когда они уходят и спускаются за хребет, Дэляча начинает подниматься на очередную гору. Так века они и кочуют к доброму Амаке. К нему не скоро придешь: далеко.

*Склад продуктов в тайге.
Эвенкийский лабаз.
1937 год. Репродукция
И.И. Балуева
(из фондов КККМ)*



ХРИСТОС И ЧЁРТ КИНГИТ

Был, говорят, Исус Христос. Он сделал двух человек — мужчину и женщину. Потом сделал собаку. Всех троих он посадил на высокий лабаз. Лестницу тоже положил на лабаз.

— Сидите на лабазе и не сходите на землю, — сказал Христос. — Если без меня придет к вам человек и станет просить лестницу, то лестницу с лабаза вы ему не спускайте. Сидите, я пойду и принесу вам одежду.

Христос ушел. Вдруг из леса появился черт Кингит. Подошел он к лабазу и говорит:

— Спустите мне лестницу, я принес вам хорошую одежду. Вы все голые, я вас одену.

Люди не согласились спустить лестницу, но собака спустила ее на землю. Кингит поднялся на лабаз, наплевал на мужчину и на женщину, а собаке дал пеструю меховую одежду и ушел.

Когда Христос вернулся с одеждой, он увидел заплеванных людей и пеструю собаку.

— Почему вы такие грязные? Откуда на собаке такая пестрая одежда? — спросил он.

Люди рассказали:

— К нам приходил какой-то человек, просил спустить лестницу, чтобы подняться к нам на лабаз и одеть нас в хорошую одежду. Но мы не послушались его, собака же спустила лестницу на землю, человек зашел на лабаз, надел на собаку пеструю одежду, а нас оплевал и ушел в лес.

— Это был Кингит. Он обманул вас, — сказал Христос и стал очищать заплеванных людей.

Долго чистил, но плевков очистить не мог. Потом взял и вывернул людей наизнанку, а собаке сказал:

— За то, что ты подала Кингиту лестницу, люди всегда тебя будут бить и держать голодом.

Мужчину и женщину Христос поженил. У них родились дети. Дети выросли. Их нужно было тоже женить и выдавать замуж.

Думал, думал отец-старик, как быть, и ничего не придумал. Пошел к Иисусу Христу и говорит ему:

— У нас выросли дети, мы не знаем, где найти им женихов и невест.

— Не ищи, — сказал Иисус Христос. — Людей на земле кроме вас нет.

— Как же нам быть? — спросил старик.

— Пускай братья женятся на сестрах.

Старик так и сделал. От детей пошли новые дети.

Когда расплодилось много людей, они разошлись по разным местам и стали говорить на разных языках — по-тунгусски, остяцки, якутски.

Оттого что Христос не мог очистить первых людей от плевков черта, а вывернул их наизнанку, — все люди стали болеть и кашлять, потому что у них нечистое нутро.

О РЯБЧИКЕ

Сначала рябчик был огромною птицей. Когда он летел, то от одного шума крыльев его все звери и птицы приходили в трепет и от страха бежали — кто куда.

Однажды по лесу ехал Иисус Христос верхом на олене. Он подъехал к рябчику. Рябчик вспорхнул и шумом своим напугал Иисуса Христа и оленя. Олень бросился в сторону. Иисус Христос упал с седла и расшибся о землю. Рассердился.

— Ты очень шумишь, — сказал Иисус рябчику. — Тебя боятся звери и птицы. Чтобы ты никого не пугал, я тебе убавлю крылья.

Иисус Христос поймал рябчика, обломал у него крылья и отпустил. Рябчик хотел лететь, но не мог подняться. Крылья были малы. Тогда Иисус Христос оборвал у рябчика все лишнее мясо и разделил его между другими птицами, рыбами и зверями.

Вот почему многие рыбы, птицы и звери носят в своем теле куски белого мяса, а окунь весь сделан из мяса рябчика.

ПОЧЕМУ У ЭВЕНКОВ ЕСТЬ ОЛЕНИ, А У ОСТЯКОВ НЕТ

Амака сказал людям:
— Я сделаю оленей, пошлю их к вам с неба, и посмотрю, как вы их встретите.

Эвенки обрадовались, наломали много пихтовых веток, надрали мягкого мха и все это постлали на землю. Остяки же совсем не позаботились о встрече оленей.

Амака сдержал слово. Он послал эвенкам и остякам оленей, потом сам спустился с неба на землю для того, чтобы проверить, как люди встретили оленей. Сначала он спросил об этом эвенковского оленя. Тот ответил:

— Эвенки меня встретили очень хорошо. Для меня они сделали мягкую подстилку, я с неба упал на нее и не ушибся о землю.

— А тебя как встретили? — Спросил Амака остяцкого оленя.

— Очень плохо, — сказал олень. — Меня встретила твердая и голая земля, о которую, падая с неба, я сильно расшибся.

Выслушав оленей, Амака сказал остякам:

— За то, что эвенки хорошо встретили моих оленей, пускай они остаются у них и множатся, у вас же оленей не будет. Я возьму их.

С тех пор у эвенков и ведутся олени. У остяков олени стали пропадать и все ушли в землю.

АГДЫ - ГРОМ

Давно на земле жил Крылатый человек, который летал и ел людей. Крылатого победить никто не мог. Все его боялись.

Среди людей родился мальчик, имя которому дали Агды. Когда Агды вырос, он сказал людям:

— Я не боюсь Крылатого. Я буду с ним драться и убью его.

Никто этому не поверил. Все стали уговаривать молодого Агды.

— Кто может справиться с Крылатым? Он летает, как птица. Не надо трогать его.

Агды никого не послушался. Он нашел восемь женщин и попросил их сделать для него большие железные крылья.

Женщины сделали.

Когда крылья были готовы, Агды надел их и стал учиться летать. Научился.

— Теперь я полечу искать Крылатого, — сказал Агды, — найду и убью его.

Агды летел над лесом. Увидел старуху. Спустился к ней, стал спрашивать:

— Бабушка, ты знаешь, где живет Крылатый?

— Тебе зачем его?

— Я хочу его убить. Скажи мне, где он?

— Нет, я тебе не скажу. Какой ты воин?..

Агды рассердился, махнул крыльями, убил старуху и полетел дальше. На моховом болоте он увидел куропатку. Остановился, спрашивает:

— Ты знаешь, где живёт Крылатый?

Куропатка говорит:

— Знаю, да мне некогда разговаривать с тобой. Я ем ягоду.

Агды рассердился. Загреб крыльями, пустил огненную стрелу, но в кустах попасть в куропатку не мог. Агды полетел дальше. Встретился со старичком. Остановился, спрашивает:

— Дедушка, ты знаешь, где живет Крылатый?

— Знаю, — ответил старичок.

— Скажи мне.

— Зачем тебе рассказывать о Крылатом?

— Я хочу с ним воевать. Покажи мне, дедушка, дорогу к нему.

Старичок говорит:

— Крылатого я боюсь: он сильный и летает, как птица. Его все боятся. Тебя я не знаю, каков ты. Дорогу к Крылатому я укажу тебе, когда увижу твою силу. Вот если ты сломишь семь, растущих в ряд, больших деревьев, тогда ты будешь слушать меня о дороге к Крылатому.

Агды поднялся над лесом, замахал крыльями, загремел, пустил огненные молнии и расщепал семь деревьев в лучину.

Старичок увидел силу молодого Агды и говорит ему:

— Теперь я знаю твою силу. Ты богатырь. Слушай меня. Крылатый живет далеко. Чум его стоит за болотом. Болото это большое. Через него ни олень, ни человек никогда не переходили. За этим болотом есть лес. В том лесу и живет Крылатый. Ты лети да гляди хорошенько.

Агды покинул доброго старичка. Он перелетел тайгу и увидел то большое болото, через которое не переходили никогда ни человек, ни зверь. Агды перелетел болото, нашел чум Крылатого. Налетел, замахал крыльями, загремел, пустил огненные молнии, сжег чум.

Но убил только тело Крылатого, душа же его осталась живой.

Она покинула мертвое тело Крылатого и улетела в небо. Агды погнался за ней. С тех пор он летает по небу, машет крыльями, гремит, мечет огненные молнии, чтобы убить злую душу Крылатого. . .

Молодой Агды давно улетел с земли. Теперь он, однако, старик?..

О ХОГЛЕНЕ СОХАТОМ (БОЛЬШАЯ МЕДВЕДИЦА)

В лесу встретились охотники — русский, остяк, тунгус, и заспорили между собой, кто лучше и быстрее ходит на лыжах. Русский говорит:

— Я лучше вас обоих умею бегать на лыжах.

Остяк русскому не уступал, тунгус же сказал:

— Завтра найдем зверя и испытаем себя. Может, я и плохой ходок.

Утром пошли. Под горой нашли след Хоглена. Побежали за ним. Русский добежал до подножья горы, остяк выскочил на вершину, тунгус же в это время был уже за горой и добыл богатыря сохатого — Хоглена.

Так и бегут они по небу: русский — плохой ходок на лыжах, он век с котомкою и под горой; остяк — ходок получше, он век на горе; удалый же тунгус — век за горой и бежит впереди всех за сохатым.

Посмотрите их ночью...



ПОЧЕМУ У МЕДВЕДЯ НА ЛАПАХ НЕТ БОЛЬШИХ ПАЛЬЦЕВ

Амака создал медведя шестипалым и пустил его в лес. Медведь почувствовал в себе большую силу и начал ворочать, ломать все, что ему попадало в лапы.

Увидел это Амака и решил убавить у медведя силу.

— Чтобы ты стал посмирнее, я оборву от лап твоих большие пальцы. Зимами ты будешь спать в берлоге, а летом выходить и кормиться ягодами, корнями, орехами, травой.

Так Амака сказал медведю и оборвал ему пальцы. Медведь пролежал долгую зиму в берлоге, вылез из нее весной и стал просить Амаку, чтобы он вернул ему большие пальцы.

— Хорошо, — сказал Амака, — я возвращу тебе пальцы, но за то я дам человеку лук и стрелы, а его собакам дам острые зубы.

Медведь, надеясь на свою силу, взял от Амаки назад свои большие пальцы. Пошел. В лесу встретился с человеком и собакой. Стали драться. Человек пустил стрелу, вцепилась собака острыми зубами в медвежий зад, и медведь закричал:

— Амака! Возьми от меня большие пальцы. Я лучше буду жить без них, всю зиму спать в берлоге, выходить из нее весной по мокрому и питаться тем, чем ты велишь.

И Амака опять оборвал у медведя большие пальцы.

КАК У ЛЮДЕЙ ВШИ ПОЯВИЛИСЬ

На земле было много-много мышей. Люди ходили и растаптывали своими ногами в травах мышат. За это мыши возненавидели людей и стали у них портить одежду, грызть и поедать запасы пищи. Тогда люди сделали на пнях высокие лабазы и на них сохраняли все от мышей.

Старая мышь придумала другую месть людям. Она нашла пищуху и говорит:

— Пищуха, у тебя много вшей. Давай пустим их на людей. Пускай их заедают вши.

— Нет, мышь, — сказала пищуха, — эвенки — народ хороший. Вшей своих я напускать на них не буду. Эвенки мне худого не делают.

Мышь рассердилась на пищуху, ушла. Она залезла тихонько в чум и всех своих вшей пересадила на голову больной женщине.

Женщина та умерла, а вши с нее переползли на остальных людей и начали их кусать. Так и не переводятся мышиные вши у человека.

МАНИ

Жили в чуме две безродных сестры. Имена их никто не знает. В месяц Сараны сестры уходили из чума в лес копать сладкую сарану. Копают. Вдруг слышат — в стороне от них плачет ребенок. Пошли искать. Нашли оловянную зыбку, а в ней грудного мальчика. Жалко сестрам стало плачущего ребенка. Они взяли зыбку и отнесли ее к себе в чум. Накормили ребенка. Ребенок уснул. Сестры ушли опять в лес копать сарану. Накопали, понесли сарану в чум. Видят — в чуме огонь. Над огнем висит таган, а в нем варятся два больших сига. Кто это сделал? Не знают. Ребенок — мал и спит.

Голодные сестры поели мягкой рыбы, отдохнули и снова пошли в лес собирать сарану. Они отошли далеко от чума, спрятались в лесу и заговорили тихонько: кто затопил чум и откуда сиги? Старшая сестра говорит младшей:

— Нам надо скорее из чума уйти. Зыбку расплавить и горячим оловом облить ребенка, чтобы он умер.

Вдруг у чума появился большой-большой человек, вытянул из себя двух червей — каныр, положил червей в таган, помешивает их и поет:

*Женичины ели рыбу.
Она им нравится.
Черви, черви, —
Сделайтесь сигами.
Когда женичины разжиреют,
Тогда я съем их.*

Сестры испугались. Старшая опять говорит младшей:

— Найденный ребенок — худой. Что ж, мы будем его растить, а он будет нас кормить глистами? Нет! Его надо убить и скорее бежать с этого места.

Сестры вернулись в чум, будто с работы. В чуме опять горит огонь, висит таган, а в нем варится рыба — сиги. Ребенок спит. Сестры вынули ребенка из зыбки, закрыли его своим одеялом, вылили уху, а в таган положили оловянную зыбку. Когда расплавилось оло-

во, сестры вылили его на ребенка, чтобы убить. И вдруг перед ними с постели встал великий Мани в поясе оловянном.

Схватили сестры свою женскую сумочку и выбежали из чума. Мани погнался за ними. Старшая сестра вынула из сумочки кодэро-рун и со словами: «Кодэрорун, стань горами-хребтами!» — бросила его через свое плечо. И появились высокие-высокие горы, хребты. Мани отстал. Запел:

*Разорвитесь, крутые горы,
Выросшие из кодэроруна.*

И разорвались горы, появились пологие седловины. Мани перебежал хребты и снова стал настигать сестер. Старшая бросила брусок:

— Брусок, стань утесом! Отгороди Мани.

И брусок сделался непроходимым утесом. Мани опять запел:

*Точильный камень,
Сделанный женищинами из бруска,
Расколись на части.*

Утес расщелился в ущелья. Мани побежал догонять сестер. Тогда старшая бросила через себя зубчатый чучун:

— Чучун, стань горой с густым-густым лесом!

И выросла кольцом вокруг Мани высокая-высокая гора с непроходимой тайгой. Мани снова запел:

*Гора из женского чучуна,
Разорвись узенькой щелью.
Я стану тоненькой гусеницей,
Проползу муравьем.*

И разорвалось кольцо гор. Мани сбросил с себя оловянный пояс, прополз в узкую щель и стал догонять сестер. Тогда старшая бросила гребень:

— Гребень, стань камнями, горами, лесом, чтоб нигде не было прохода.

И появилось много-много гор с каменными зубцами, выросла густая тайга, и потерялся в них Мани маленьким муравьем.

ПОЧЕМУ ЛЮДИ НАЧАЛИ ШАМАНИТЬ

Амака создал всех птиц, злой Харги сделал одну гагару. Он пустил гагару на воду и стал хвалиться перед добрым Амакою:

— Что твои птицы? Ничто против моей гагары. Мою гагару на воде никто не догонит. И твой человек ее не поймает.

Амака сказал на это Харги:

— Человеку я дам двузубое копье, и ты увидишь, как он добудет им твою гагару.

— Что гагаре твое копье? Она умеет нырять лучше всех твоих уток.

Амака дал эвенку копье. Он сел с копьем в берестяную лодку и стал гоняться за мудреной гагарой. Загонял. Устала гагара. Эвенк воткнул копье гагаре в хвост и не дал ей нырнуть в воду. Сидит гагара на копье, крутит головой и кричит во все стороны:

— Эвенк будет шаманом! Остяк будет шаманом! Якут будет шаманом!..

С той поры у людей появились шаманы и стали шаманить.



ДВА ЗМЕЯ

Семь человек были на охоте. Они ходили в тайге за зверями и устали. Остановились ночевать. Поставили к деревьям луки и острые пальмы, поели и уснули. Ночью к ним подполз огромный змей и обогнул всех кольцом.

Утром проснулся один из охотников, увидел толстого, как дерево, змея и от страха не знал, что делать. Лежит и думает, что змей всех съест. Драться с ним нечем: оружия ни у кого нет.

Змей лежит и не шевелится. Охотник начал потихоньку будить товарищей. Разбудил. Те испугались и тоже не знают, что делать.

Змей немного оттянул голову от хвоста и опять лежит, не шевелясь. Зажмурил глаза.

Хитрый. Выход есть, но как им пойдешь? Съест.

— Бежимте все! Всех сразу не съест. Кто-нибудь спасется.

Двинулись, но змей закрыл выход. Люди отступили назад. Ждут смерти. Змей опять оттянул голову от хвоста. Лежит.

— Все равно умирать, — сказал один из охотников. — Я пойду первым.

Проскочил и убежал. Осмелился то же сделать другой. Змей не пошевелился. Он выпустил из круга шестерых, седьмому же человеку загородил выход.

— Товарищи бросили меня одного, — думает он. — Теперь мне смерть! Змей съест меня.

А змей лежит и не думает есть человека. Он смотрит то на него, то на свою спину, то на него, то на свою спину. И смотрит не сердито.

Подумал человек и попробовал сесть на змея. Что будет? Только сел, змей расправился и пополз. Человек захватил по пути пальму.

Едет на змее верхом, а куда едет — не знает. Змей переполз много болот, речек, гор. Дополз до поломанного леса и остановился.

— Большая буря была здесь, — подумал человек. — Не сосчитать, сколько поломано и выдрано с корнями деревьев.

Змей изогнулся, приподнялся горбом до высоких сучьев и посадил на них вооруженного пальмой человека. Потом сам отполз от дерева, поднял голову да как зашипит!.. Лес затрясся, зашумел.

— Теперь змей меня съест, — испугался на дереве человек. — Куда я от него убегу?

Шипел змей, шипел и вдруг издалека в ответ ему прошипел кто-то еще сильнее.

Видит человек, что из леса ползет другой огромный змей. Ползут друг к другу и оба шипят.

Дрожит лес...

Змеи сползлись, поднялись, как бескорые деревья, схватились и начали драться. Обвиваются вокруг леса, ломают, вырывают с корнями деревья, душат друг друга. Всю ночь дрались змеи, много-много поломали леса.

Слышит человек, что тот змей, на котором он приехал, шипит тише, задыхается и глазами зовет к себе человека. «Теперь мне все равно умирать! Помогу своему змею. Одному мне будет хуже», — подумал человек и соскочил с дерева.

Он подбежал к месту драки и острой пальмой распорол брюхо огромному змею. Тот упал и подох.

Тогда первый змей добрыми глазами посмотрел на человека, потом себе на спину. Человек понял, что надо садиться и снова сел верхом на змея:

— Что будет. Все равно умирать!

Только сел, и змей повез его обратной дорогой через леса, болота, горы и речки. Дополз до места ночевки охотников, ссадил с себя человека, тихонько прошипел и уполз неизвестно куда.

Человек вернулся в свой чум и рассказал обо всем людям.

ТУРГА

Два мальчика жили на одном стойбище и вместе играли. Один из них был немного постарше другого, но оба они отличались своей силой. Мальчики подросли. Старший и говорит младшему:

— Я сильный и не боюсь медведя. Я выйду с ним на поединок и поборю его.

— Я тоже не боюсь медведя, — сказал младший. — Я тоже справлюсь с ним. Только я возьму с собой палочку — тургу. Может быть, я послабее тебя?

— Нет, мне ничего не надо. Медведя я одолею одними руками. Пойдем в лес.

Пошли, встретились с медведем.

— Я буду первым драться с медведем, — сказал старший мальчик.

Схватились. Медведь смял мальчика и начал его давить. Тогда на медведя бросился младший. Схватились. Медведь широко раскрыл рот. Мальчик засунул в пасть ему тургу, распер челюсти и убил медведя. Сила да хитрость — два богатыря...

О ЧУДЕСНОЙ ПОВАРЁШКЕ

Один человек ехал по лесу верхом на олене. Чтобы олень шел быстрее, он подтыкал его под бока своими пятками. Вдруг на встречу к нему выскочила из леса лисица и остановилась на дорожке.

— Давай сделаем меновую, — сказала лисица.

— Давай, — сказал человек. — Только я не знаю, чем ты хочешь меняться со мной? Я вижу, что у тебя ничего нет.

— Это неправда, — сказала лисица. — У меня есть такая поварешка, какой ты еще никогда не видал. Возьми эту поварешку, опусти в котел с водой, помешай в нем. Вот тебе и каша с салом будет.

Человеку понравилась мена. Он спросил лисицу:

— Что же ты хочешь теперь с меня в обмен за твою чудесную поварешку?

— Немного: ты отдай мне своего оленя, а я тебе отдам поварешку.

А у этого человека только и был один олень, на котором он ехал. Подумал он, подумал и решил у лисицы выменять чудесную поварешку. Поменялись и разошлись.

Человек пришел в свой чум пешком и хвастает жене:

— Посмотри-ка, жена, какую я выменял у лисицы для тебя поварешку! Теперь нам с тобой не нужно будет доставать ни крупы, ни сала. За поварешку я отдал лисице последнего оленя. Но с такой находкой мы и без оленя проживем безбедно. На поварешку да попробуй ее, вари кашу. Увидишь, какая получится жирная да вкусная каша.

Человек отдал поварешку жене, рассказал, как с ней обращаться, а сам лег отдохнуть, пока варится каша. Спал, спал, проснулся и говорит жене:

— Давай-ка мне поесть вкусной каши.

— Дала бы я тебе каши, да нету ее. Сколько я не варю, а в котле как была одна вода, так и есть вода.

— Однако ты не умеешь варить. Дай-ка поварешку, я сам помешаю в котле так, как мне говорила лисица.

Жена передала мужу поварешку. Он сел и начал варить кашу.

Варил-варил, болтал-болтал поварешкой в котле... Устал. Посмотрел в котел — вода, попробовал — вода. Осердился на лисицу и швырнул в огонь чудесную поварешку.

КАК ОХОТНИК ПЕРЕХИТРИЛ ЛИСИЦУ

Охотник ставил ловушку на зайцев. Из леса к нему прибежала лисица.

— Здравствуй, бое! — сказала она. — Ты что это делаешь?

— Ловушку. Хочу добывать зайцев.

— Это хорошо. Будем есть мясо.

— Да, будем есть мясо, — сказал охотник. — Только бы нам дожждаться хороших морозов. В тепло зайцы не бегают, а больше лежат.

Охотник насторожил ловушку березовым прутком и на него помочился. Лисица засмеялась.

— Ты зачем это сделал?

— Зайцы любят соленое, — ответил охотник. — Только я не знаю, хорошо ли сделал ловушку? Жалко, что нет со мной собаки, а то бы я ловушку испытал. Может, ты мне, лисица, поможешь? Тогда бы я знал, что в эту ловушку будут попадаться хитрые зайцы.

«Лови, лови зайцев, а я буду есть», — подумала лисица про себя и подошла к настороженной ловушке. Ей тоже хотелось узнать, хороша ли ловушка?

— Помогла бы я тебе испытать ловушку, да не знаю, как это сделать, — сказала лисица охотнику.

— Это просто: лезь прямо под бревешки.

Лисица осторожно залезла в ловушку.

— Теперь что делать?

— Теперь перекуси березовый пруттик, который я обмочил.

«Выскочить отсюда я успею», — подумала лисица и чуть-чуть присела. Она приготовилась к прыжку и куснула зубом тоненький пруттик — насторожку. Бревешки сорвались и прихлопнули лисицу.

БОЯТЫ

Старики рассказывали так.
Давно на земле жил человек. Звали его — Бояты.

У него была жена и старик отец. Бояты занимался убийствами и грабежами. Но об этом мало кто знал, только ходили слухи в народе, что Бояты человек нехороший; не лучше — его жена и отец. В лицо Бояты мало кто видел. Все говорили: «Бояты, Бояты». А какой он — узнали потом.

Случилось одному человеку с семьей кочевать по тайге. Была зима, в тайге лежало много снега. Тяжело было идти и людям, и оленям. Увидел человек в лесу чье-то стойбище, подошел к нему и решил стать своим чумом. Он взял пальму и стал рубить шесты для жилища. Его жена сняла с седла зыбку с ребенком, поставила ее под дерево на снег и принялась развешивать оленей. К ней подошла женщина.

— Ребенок-то озяб. Пускай погрется, — сказала она матери, — взяла зыбку и унесла ребенка в свой чум.

Мать, приготовив место под свое жилье, пошла тоже в тот чум отдохнуть и погреться. В чуме горел огонь. На тагане висел горшок, в нем варилась еда. Пахло мясом.

— Скоро будем есть, — сказала хозяйка чума. — Горшок кипит. Подождем твоего мужа. Ребенок твой согрелся и спит.

Мать взглянула на зыбку, потом стала смотреть на горшок. Кипящая вода подбрасывала кусочки мяса, и вдруг всплыла на поверхность детская рука. Мать испугалась и незаметно опять взглянула на зыбку. В зыбке лежала мертвая голова ее ребенка. Она не подала виду и говорит:

— Мясо готово, а муж мой что-то долго не идет. Схожу-ка я к нему да посмотрю, что он там делает.

— Сходи, сходи, — сказал хозяин чума. — Ребенок твой спит хорошо. Пока ты ходишь, старуха моя за ним доглядит.

Муж доделывал остоу чума. К нему подошла жена и тихонько сказала:

— Однако, мы с тобой заехали неладно. Это стойбище Бояты. У нашего ребенка отрезана голова. Она лежит в зыбке, а тело

его варится в горшке. Отсюда нам нужно скорее и незаметно бежать.

Жена была небольшой шаманкой. Она подумала и говорит мужу:

— Ты не бойся. Давай скорее поставим наш чум дверьми в сторону чума Бояты. Переднюю половину шестов закроем, а заднюю — оставим открытой. Потом мы вместе придем к Бояты. Ты сядешь и будешь есть из горшка мясо. Только ты мясо не бери в рот и не глотай, а надень на себя нагрудник и за него незаметно роняй куски. А я возьму зыбку и унесу ее в наш чум; пока ты будешь в гостях у Бояты, я вытащу все наши вещи через открытую часть чума, навьючу их на оленей, сяду верхом и уеду. Тебе же я оставлю привязанного к дереву олененка. Он будет стоять за нашим чумом. В гостях у Бояты ты сиди дольше.

Когда наешься, иди к себе в чум будто спать. Когда придешь, сразу же отпусти олененка.

Он побежит оленьими следами и догонит меня. Я увижу его и буду знать, что ты живой.

Потом я стану шаманить, чтобы спасти тебя и погубить Бояты.

Сделали все так, как сговорились. Тунгус остался в гостях у Бояты, доставал из горшка мясо своего ребенка и незаметно опускал его за нагрудник. Наелся, посидел и ушел спать в свой чум.

Но спать не лег, а пошел к оставленному женой олененку, спрятавшись за дерево и стал ждать, что будет делать Бояты. Олененок хоркает, зовет свою мать, бьется на ремне.

Ночь. Вдруг в чуме Бояты открылась дверь. Вышли старик и Бояты с женой. Бояты взял острую пальму, подошел к пустому чуму и ткнул пальмой через берестяную крышу.

— Не убьешь! — крикнул тунгус, отпустил олененка и следом за ним побежал догонять жену.

Жена была уже далеко, когда ее догнал олененок.

— Муж жив, — сказала она. — Надо скорее шаманить.

Она быстро развела огонь, достала из турсука толстую оленью жилу, поджарила мало-мало, нашаманила и бросила жилу на дорогу. Потом переехала через речку и там остановилась. Поперек своего пути она выдолбила на льду широкую прорубь, припорошила ее снегом и стала ждать мужа.

Бояты рассердился, что его обманули. Он побежал догонять тунгуса. Следом за Бояты бежали его жена и старик отец. Когда старик добежал до брошенной на пути поджаренной жилы, он ощутил в себе такой голод, что не мог дальше идти. Он схватил жилу, стал ее есть. Он глотал ее целиком. Глотал-глотал и подавился. Бояты добежал до реки, но влетел в прорубь и утонул; жену же его тунгус зарубил пальмой. Вот так и кончился на земле худой род Бояты. Правду ли сказывали наши старики. Кто знает?..

ОТКУДА ПОЯВИЛСЯ ПЕРВЫЙ МЕДВЕДЬ

Однажды в тайге жил большой-большой шаман. У него был один сын. Когда шаман состарился, он сказал своему сыну:

— Я старик. Скоро умирать буду. Возьми себе всех моих духов и будь таким же большим шаманом, каким был я. Духи мои велят мне это сделать.

Сын выслушал отца и ничего ему на это не сказал. Он не хотел быть шаманом.

Наконец, шаман-отец так состарился, что не мог больше поднимать бубен. Вот-вот умрет, но духи умирать не дают, держат. Шаман опять сказал своему сыну:

— Я буду умирать. Я до того стар, что мне тяжело держать в себе моих духов. Бери их от меня. Духи велят мне, чтобы я передал их всех тебе. Когда они войдут в тебя, тогда я спокойно умру, а ты, сын, станешь настоящим большим шаманом.

Сын, выслушав отца, сказал:

— Отец, я не хочу быть шаманом. Духов твоих мне не надо. Ты отдай их кому-нибудь другому.

Старик шаман так рассердился, что не стал разговаривать с сыном. Он лежал и молчал. Будто это духи мучают его и не дают ему покоя. И только перед самой смертью шаман заговорил снова:

— Сын, ты не захотел взять себе моих духов, так теперь берегись. Я умираю. Тело мое ты положи на лабаз и карауль мою могилу сорок дней и ночей. Если ты прокараулишь, то меня унесут духи из могилы, и я сделаюсь невиданным зверем. Я буду страшным зверем.

Шаман умер. Сын положил на лабаз его тело и стал охранять могилу. Много дней и ночей просидел он возле мертвого отца, потом устал и ушел отдыхать в чум. Куда денется покойник? На сороковое утро сын пришел к лабазу и испугался. Лабаз раскрытый, шамана нет. Куда девался? Смотрит: на земле огромный след, похожий на след босого человека. След идет от лабаза в тайгу. Сын прибежал на стойбище и рассказал обо всем этом людям.

— Надо идти выслеживать, — сказали те.

Мужчины вооружились луками и отправились по невиданному следу. Шли долго. Вдруг в лесу затрещало. Смотрят: прямо на них идет большой черный и лохматый зверь. Люди стали стрелять и убили черного зверя. Когда ободрали, то по знаку, оказавшемуся на его животе, сын шамана узнал в этом звере своего старого отца. С тех пор этого зверя люди стали называть «Амака» — дедушка.

Эвенк верхом. Байkitский район.
1939 год. Автор И.И. Балувев
(из фондов КККМ)



О ЛИСИЦЕ

Лисица пришла в чум. В чуме были одни женщины.
— Ох, как я устала ловить рыбу, — сказала лисица. — Рыбы в речке полно. Идите ставьте скорее сети, пока рыба из речки никуда не ушла. Ловите, а я маленько отдохну у вас в чуме.

Женщины взяли сеть и ушли рыбачить. Лисица принялась есть муку. Съела и легла спать.

В речке рыбы не оказалось. Женщины вернулись в чум, разбудили лисицу.

— Где ты видела рыбу? Ты бы нам показала то место, где ты рыбачила.

— Подождите, я схожу в лес. У меня заболел живот. Я объелась муки.

Лисица выскочила из чума и побежала. Женщины посмотрели в турсук, турсук — пустой.

— Лисица-то нас обманула, она съела всю нашу муку.

Женщины побежали за лисицей. Нашли и загнали ее на кривое дерево.

— Тут мы тебя и убьем!

Женщины подожгли дерево. Пламя охватило лисицу и всю ее опалило. Лисица упала на землю.

— Пропадай теперь! — сказали женщины и ушли.

Лисица обгорела, но не пропала. От огня она только ссохлась, убавилась вполовину и вместо черной стала вся красной.

СОПЛИВЫЕ ЛЮДИ

Один парень ходил по тайге, искал белок. Нашел чей-то чум, который был весь занесен снегом. Парень откопал снег, залез в чум. Огня в чуме не было, возле шестовых стен сидели какие-то люди. Из ноздрей сочились потихоньку сопли. Сопли падали на колени и леденели. Перед каждым человеком было наморожено много соплей. Парень спросил людей, но они ему не ответили; потрогал — не шевелятся. Парень подумал, что люди замерзают, взял и развел в чуме огонь. Сопли растаяли, и люди помаленьку зашевелились. Потом открыли глаза, увидели огонь и как будто испугались.

— Человек, мы не знаем огня, — сказал старик парню. — Мы таем от солнца и оживаем только весной. Пока стоит тепло — мы живем. Осенью мы заходим в свой чум, садимся и замерзаем. Замерзнем и так сидим до нового тепла. Зачем ты пришел к нам? Ты нас этим убил. Теперь мы все умрем.

Парень выскочил из чума и убежал. После него по тайге ходило и ходит много людей, но никто больше не находил и не видел этих сопливых людей. Старики говорят, что эти люди растаяли и сделались ручейками. Земля — нос, лед — мерзлые сопли.

МЕДВЕДЬ И ТАНИНА

Танина жил на берегу речки. Он каждый день плавал на берестяной лодке, добывал рыбу и кормил свою семью. Об этом узнал медведь и решил поймать рыбака. Стал думать, придумал ловушку. Медведь сходил до ветру, потрогал — липко.

— Эта ловушка Танину поймает, — сказал медведь и залег в кусты.

Танина плывет по речке и слышит, что кто-то зовет его к себе:

— Танина, иди сюда!

Танина подъехал к берегу, увидел медвежью ловушку, рассердился. Он ударил по ней веслом, и весло прилипло, ткнул шестом — шест завяз, ударил кулаком, и сам прилип. Стал рваться, а медведь уж тут. Схватил он Танину, посадил в сумку, взвалил на плечи и понес в чум. Шел, шел, устал. Лег отдохнуть. Танина вылез тихонько из сумки, наложил в нее камней, а сам убежал на речку, сел в лодку и уплыл. Медведь выспался, встал, взвалил опять сумку с добычей на спину и пошел домой. Пришел в чум, бросил тяжелую сумку и говорит медвежатам:

— Смотрите, ребяташки, какой я гостинец принес!

Медведь лег отдыхать, а медвежата развязали сумку и говорят:

— Ты принес камни!

— Нет, я нес в сумке Танину. Видно, он меня обманул. Я его поймаю.

Медведь не стал отдыхать. Он снова отправился на речку караулить Танину. Медведь поставил свою ловушку, залег в кусты и ждет, когда поедет мимо него хитрый рыбак. В тот день Танина наловил рыбы полную лодку и поздно возвращался к семье. Плывет и вдруг слышит:

— Танина, иди сюда!..

Танина подплыл к берегу, смотрит, а на берегу лежит медвежья ловушка. Танина рассердился: ударил веслом, и весло прилипло; ткнул шестом — шест завяз, ударил рукой — рука присохла; пнул ногой и весь прилип.

— Теперь ты мой! — сказал медведь. — Я тебя съем.

Медведь посадил Танину в сумку, взвалил на плечи и без отдыха притащил к чуму, повесил сумку на сук и говорит своим детям:

— Вы караульте Танину, а я схожу на речку и заберу его рыбу.

Медведь ушел. Танина сидит в сумке и не знает, как ему убежать. Сидел, сидел и говорит медвежатам:

— Скоро отец вам принесет рыбу, убьет меня, сварит мое мясо, и вы будете есть меня. Пока я живой, вы дайте мне нож, я сделаю вам хорошие ложки. Ложками вам будет удобнее доставать из котла горячее мясо и рыбу.

Медвежата развязали сумку. Танина вылез, взял нож и заколол медвежат. Он отрезал их головы, положил рядышком, под одеяло так, как будто медвежата спят. Мясо медвежат изрезал на куски, наварил полон котел и убежал из чума. Медведь принес рыбу. Увидел в котле мясо, принялся есть.

— Вот хорошо, что ребяташки мои убили Танину. Я так захотел есть. Сами-то они, видать, наелись досыта и спят.

Медведь наелся мяса и хотел лечь отдохнуть. Полез на постель. Что такое: медвежата не дышат. Толкнул одного — голова откатилась, толкнул другого — и у того голова покатилаь.

Медведь бросился догонять Танину, но не мог бежать. Оттого что он ел мясо своих детей, у него свело ноги.

С тех пор все медведи и стали косолапыми.

ЛИСИЦА И МЕДВЕДЬ

Лисица встретила с медведем и говорит:

— Здравствуй, дедушка-медведь! Как ты живешь?

— Худо, — сказал медведь. — Ягод нет, голодно. Комары... Жарко...

— Не кручинься, дедушка-медведь. Еда будет. Скажи мне: ты хочешь быть моим мужем?

Медведь согласился.

— Дедушка, где ночевать будем?

— Ночевать пойдем в лес.

— Нет, дедушка-медведь, — говорит лисица, — в лесу много комаров. Давай переночуем на утесе. Там спать хорошо.

«Ладно, — подумал медведь, — лисицу можно будет съесть и на утесе». Вышли на высокий обрывистый камень.

— Дедушка, тут спать будем. Ты ложись на край камня, а я лягу возле тебя. Из-под камня дует, а за тобой лежать мне будет тепло.

Полежали немного, лисица и говорит:

— Дедушка-медведь, забыла я, что сплю беспокойно, я со сна могу тебя столкнуть. Давай-ка переменимся местами.

Медведь пустил лисицу на самый край утеса и уснул. Лисица тихонько перескочила через медведя, да как закричит:

— Ой, дедушка-медведь! Ты меня толкнешь! Подвинься.

Медведь подвинулся от лисицы в сторону обрыва, упал с утеса и разбился. Лисица спустилась с камня и долго ела медвежатину.

РОСОМАХА И ЛИСИЦА

Старая росомаха сидела на берегу реки. Она поджидала своего старика, который ушел в лес делать берестяную лодку. Без лодки они не могли перевезти свой чум и имущество через реку.

Вдруг на реке показалась лодочка. Росомаха подумала, что к ней едет старик, взяла сломала чум, собрала имущество и приготовилась кочевать на другой берег.

К берегу причалила лодочка, в которой сидела лисица.

— Бабушка, ты что тут делаешь? — спросила она росомаху.

— Жду старика. Ты видишь — мы собрались кочевать на ту сторону. А без лодки как переедешь большую реку? Вот старик и ушел в лес делать лодку.

Лисица посмотрела вверх по реке и сказала:

— Пока твоего старика нет, давай-ка я переправлю ваше имущество и тебя через реку. Все же хоть немного помогу старикам.

Росомаха обрадовалась и быстро перетаскала все свое имущество в лодку к лисице.

— Бабушка, лодка полная, — сказала лисица. — Теперь я поплыву через реку, а ты отдыхай.

Когда я отвезу имущество, тогда вернусь назад и перевезу тебя.

Лисица оттолкнулась от берега. Лодку понесло течением.

— Бабушка, однако, меня далеко унесет с твоим грузом. Ты видишь, как вода течет быстро.

— Это ничего, что далеко снесет, — ответила росомаха с берега. — Ты только не утони.

— Нет, бабушка, я не утону. Я поплыву потихоньку. Ты смотри, как я поплыву.

Лисица взялась за весло и уплыла вниз по реке.

Обманутая росомаха громко заплакала. Плач росомахи услышал дятел и подошел к ней.

— Бабушка, скажи мне: ты о чем плачешь?

Росомаха рассказала дятлу, как ее обманула хитрая лисица. Дятел, выслушав росомаху, сказал:

— Бабушка, ты не плачь. Я верну тебе все, что взяла у тебя лисица.

Чтобы перехитрить и опередить лисицу, дятел побежал тайгой через большой мыс. Выбежал на берег, сел и стал поджидать, когда к нему подъедет лисица. Сидел, сидел... На реке показалась лодка. Дятел прикинулся больным и закричал:

— Добрая лисица! Возьми меня к себе в лодку.

Лисица услышала дятла, повернула лодку на крик.

— Ты где был? Куда едешь?

— Я ходил в тайгу, был у шамана. Шаман меня немного полечил. Теперь я иду обратно в свой чум. Идти мне еще далеко, а силы у меня мало. Посади меня в лодку.

— Взяла бы я тебя, да некуда посадить, — сказала лисица. — Лодка у меня маловата и сильно загружена.

— Я маленький. Места мне нужно немного. Сидеть я буду спокойно. Посади меня в лодку. Ты добрая.

Лисица пожалела дятла и посадила. Дятел сел на дно берестяной лодки и так согнулся, что его стало не видно из-за росомахиного добра.

Плывут. Лисица гребет с кормы веслом, а дятел припал к самому дну лодки и незаметно пробил дырку в тонкой бересте. В лодку потекла вода. Лисица подмокла и говорит дятлу:

— Под меня откуда-то набежала вода. А у тебя есть вода?

— И меня подмочило, — ответил дятел. — Нужно скорее ехать на берег да чинить лодку. Должно быть, где-нибудь со шва отскочила сера. Вот лодка и потекла.

Пристали к берегу. Лисица выскочила из лодки и говорит дятлу:

— Ты вытаскивай из лодки имущество, потом вытащи на берег лодку, переверни ее кверху дном и ищи на нем дырку. Я пойду в лес, наколупаю еловой серы, вернусь и залеплю дыру на лодке.

Только лисица скрылась в лесу, дятел сломил тоненький прутик, заткнул им дырку, сел в лодку и поплыл со всем добром к обманутой росомaxe. Когда лисица вернулась из леса, дятел уже был на другой стороне реки:

— Вернись назад! — кричала лисица. — Ты утонешь!

— Нет, лисица, я не утону!

— Вернись назад, вор!..

Дятел уплыл вверх по реке.

Старик вернулся из леса без лодки. Он сел рядом со старухой-росомaxой, ругал ее и вместе с ней плакал. Они не слышали, когда к ним подъехал дятел.

— Не плачьте, — сказал дятел старикам. — Вон ваше добро. Берите его вместе с лодкой.

За все это старая росомаха сшила дятлу хорошую замшевую кайру, раскрасила ее цветными глинами, а на голову его надела цветистую шапочку.

Старик был хороший кузнец. Он сковал крепкий стальной нос, выточил острые когти и подарил их дятлу.

С тех пор дятел ходит в бабкином наряде и пользуется в добыче пищи дедкиным подарком — стальным носом и цепкими когтями. Дятел живет на деревьях, поэтому он и не попадает в зубы лисице.

Доеение оленухи. Чунский
кочевой совет. 1932 год.
Автор М.К. Калашников
(из фондов КККМ)



ПОЧЕМУ У БУРУНДУКА НА СПИНЕ ЧЕРНЫЕ ПОЛОСКИ

Весна. Медведь вылез из берлоги. Он был голодный, но есть было нечего. Кругом лежал глубокий снег.

Медведь нашел пень, в котором всю зиму спал бурундук. Хотел свалить пень и съесть бурундука, да пень был крепкий, не по силе.

— Дедушка-медведь, ты за что сердишься на меня? — спросил бурундук из гнезда.

— Я сержусь на мокро. Оно разбудило меня и выжило из берлоги. Я вышел, а еды нет, — отвечал медведь, — Не остался ли у тебя запас какой? Покорми. Я с осени ничего не ел.

Бурундук отдал медведю свои недоеденные запасы. Медведь сел и погладил за это бурундука по спине своей лапой...

Спина у бурундука зажила, но на царапинах выросла шерсть другого цвета. С тех пор все бурундуки стали полосатыми.

МАКЕДОНМА

Македонма был уже старик. Он жил вместе со старухой женой в большом лосином чуме. Однажды звери услышали, что Македонма собирается шаманить, и все поехали к нему. Чтобы не опоздать, они быстро гнали оленей. Это видела белка, потому что дорога, по которой ехали звери, проходила мимо ее гнезда. Белке хотелось ехать к Македонме, но было не на ком. Она сидела и всем, кто проезжал мимо нее, кричала нараспев:

*Одинокая я, одинокая!
Посадите меня на санки
И увезите с собой
К Македонме!..*

Все едущие слышали белку, но не останавливали оленей и с санок ей отвечали:

*Мы торопимся к Македонме,
Нам некогда станавливаться
И некогда садить тебя.*

Все проехали, и никто не пожалел одинокую белку. Так она и не попала на шаманство в чум Македонмы.

Когда звери собрались к Македонме, он надел на себя шаманский наряд, сел на свое шаманское место, взял бубен да как заиграет, запоет:

— Старуха, закрой покрепче двери и дымоход, чтобы никто не попал в мой чум!..

Старуха знала, зачем Македонма велит это делать. Она плотно закрыла дымоход и крепко закрыла дверь. Македонма шаманил дальше. Шаманил, шаманил, остановился.

— В моем чуме есть другой шаман, — сказал он. — Надо вперед испытать его силу, а после него я буду шаманить. Ко мне приехали зайцы со своим шаманом. Я узнал это. Ну-ка, заяц, шамань.

Верно: среди зайцов был один заяц-шаман. Он не испугался Македонмы и начал шаманить. Пошаманил маленько, повел белыми ушами и стал говорить:

— Македонма, твой чум ждет какое-то несчастье. Я видел: твой чум наполнялся гробами.

Зверям стало страшно. Македонма понял, что заяц-шаман отгадал его хитрость. Он бросил свой бубен, схватил медный крючок от тагана и стал им избивать зверей в своем чуме.

Многих убил, но многие звери от него убежали.

Зайца-шамана Македонма хватил своим крючком по белым ушам и выпачкал их в саже, горностаю попал по кончику хвоста, кабаргу бил по бокам и всю испятнал, рысь — тоже, но больше всех Македонма измазал сажей росомаху. А колонок — так тот от страха сам прыгнул через огонь и весь опалился.

Все звери, которые были в чуме Македонмы и от него убежали, с тех пор носят на себе следы его побоев. Зато белка как была чистой, так и осталась незапятнанной.

ДЯТЕЛ

После птиц и зверей Амака создал оленя. Он был самым кротким и красивым зверем.

Оленем все любовались, только волк смотрел на него с завистью.

Когда звери и птицы ушли, на оленя набросился волк и задавил его. Об этом узнал Амака и рассердился. Он схватил волка, связал ему ноги и бросил на землю возле задранного оленя.

— Пропадай теперь голодной смертью, — сказал Амака. — Тех, кто будет тебе помогать, я не пожалею и накажу.

Амака ушел. Связанный волк лежал, мучился. Он просил птиц и зверей развязать ему ноги, но помочь волку никто не хотел.

Долго лежал волк. Потом его пожалел дятел, пришел и развязал волку ноги. За это волк угостил дятла оленьим мясом. Дятел поел, но выпачкал оленьей кровью свои белые перья и стал пестрым.

За то, что дятел пожалел и помог волку, Амака наказал его. Он заставил дятла долбить носом деревья, чтобы добывать себе пищу.

ГЛУХАРЬ И ТЕТЕРЕВ

Глухарь — наша таежная птица. Он всегда жил вместе с нами. Места и пищи ему в тайге хватает. Морозов он не боится. Спит в снегу. А спать в снегу глухарю тепло, как человеку в хорошем чуме.

Весной из теплой стороны в тайгу прилетело много разных птиц. С ними прилетел тетерев. В тайге тетерев встретился с глухарем. Подружились. Прожили лето. Осенью тетерев собрался лететь назад в теплый край. Глухарь сказал ему:

— Ты живешь далеко. Лететь тебе придется долго. Не мучайся. Оставайся здесь. Будем жить в тайге.

— Нет, жить в тайге я не останусь. Я боюсь холодов. Зимой я здесь замерзну и умру с голода. Зимой тут нечего есть.

Глухарь ответил:

— Когда наступят холода, я научу тебя зарываться в снег. В снегу спать тепло. Я сплю и не мерзну. С голоду ты тоже не пропадешь. Еды нам хватит. Зимой мы будем есть с деревьев хвою и почки. Весной на проталинах бывает много старой брусники и толокнянки. Оставайся. Живи здесь.

Тетерев поверил глухарю и согласился остаться в тайге на зимовку. Выпал снег. Пришли большие морозы. Тетерев начал мерзнуть.

— Я пропаду здесь от холода, — сказал он глухарю. — Оставайся ты в тайге один. Я полечу.

— Нет, я тебя отсюда не отпущу!..

Глухарь вцепился лапами тетереву в хвост и так крепко держал, что у тетерева завернулись в стороны хвостовые перья.

Тетерев не мог вырваться. Он остался в тайге, но так плакал о своей земле, что от слез у него покраснели даже брови.

ПОЧЕМУ У СОРОГИ КРАСНЫЕ ГЛАЗА

Голодный песец выбежал на реку. Увидел прорубь, подошел к ней, посмотрел в воду. На дне реки он увидел большую стаю рыб. Это были сороги.

— Тут поем.

Песец нырнул в воду.

— Вы что тут делаете? — спросил он.

Сороги ответили:

— У нас болеет бабушка. Не поможешь ли ты нам?

Песец сказал:

— Ладно. Я буду лечить вашу бабушку. Только вы закройте нас с ней одеялом и не смотрите, что я буду делать.

Песца закрыли одеялом. Он начал есть больную сорогу. Та пищала, а внучата думали, что бабушку лечит песец и ей от этого больно. Песец съел сорогу, вылез из-под одеяла и сказал:

— Теперь бабушка ваша не будет хворать.

Песец выскочил на лед и убежал.

Сороги ждали, ждали, когда бабушка вылезет из-под одеяла и не дождались. Заглянули, а там даже чешуи не осталось.

Обманутые сороги начали плакать. Плакали до того, что у всех глаза покраснели.

Вот почему сороги красноглазые.

ЛИСИЦА И НАЛИМ

Лисица увидела в речке налима. Налим лежал у камня и не шевелился. Лисица сказала:

— Налим, ты, говорят, не умеешь бегать? Ты ленивый.

— Нет, лисица, бегать я умею не хуже тебя, — ответил налим.

— Ты, однако, хвастаешь? Давай побежим к вершине речки, тогда ты увидишь, что я опережу тебя.

Налим согласился. Лисица сказала:

— Когда мы побежим, то на каждом мысу я буду останавливаться и спрашивать тебя, а ты мне отвечай, чтобы я знала, где ты остался.

— Хорошо, — сказал налим. — Бежим!

И побежали. Лисица побежала берегом, а налим — речкой.

Лисица хотела налима перехитрить. Она знала, что эта речка очень извилистая, но не знала того, что в ней от устья до вершины живут сплошь одни налимы. Чтобы переспорить, лисица оставила извилистый берег и побежала прямо через мысы.

Налим недалеко ходил вверх по речке. Он прибежал к соседу и попросил того скорее передать вверх своим соседям о споре с лисцей. Он велел всем налимам передать друг другу, чтобы они, когда лисица будет спрашивать: «Налим, ты где?», — отвечали: «Я здесь».

Лисица еще где-то бежала, а налимы уже сговорились между собой, лежат на своих местах и поджидают лисицу.

Лисица выбежала на мыс и крикнула:

— Налим, ты где?

— Тут! — ответил налим, лежащий выше по речке.

Лисица побежала опять по тайге напрямик. Выбежала на мыс.

— Налим, ты где?

— Я здесь!

Налим оказался опять впереди. Лисица побежала еще быстрее. Но где бы она ни вышла на речку, с какого-бы мыса ни спросила «налим, ты где», везде слышала голос налима впереди себя.

Лисица не хотела проспорить. Она еще короче выбрала путь и изо всех сил побежала к вершине речки. Стала подбегать и думает: «Теперь-то я буду впереди».

— Налим, ты где? — крикнула лисица.

А налим отвечает ей, лежа, из самой вершины реки:

— Я здесь, лисица! Как ты долго бежала.

С тех пор лисицу стали называть хвастуньей, а речку — Налимьей.

Д. Каратанов. Этнографическая
зарисовка. Лодки на берегу Енисея.
Бумага, акварель. 1920-е
(из фондов КККМ)



ЗВЕЗДЫ И МЫШИ

Звезда сказала:
— Я пойду на землю, найду мышь, возьму замуж и с ней вернусь обратно на небо.

Об этом узнали мыши и напугались. Днем они сидели по своим норам, а ночью вылезали и смотрели на небо. Вдруг с неба сорвалась звезда и полетела на землю.

— Это звезда летит за мной, — подумала каждая мышь про себя. И бросились кто куда.

В ту ночь со страха повесилось много мышей.

С тех пор в осенние звездопады в тайге погибает немало мышей. Посмотрите, сколько каждую осень висит их на кустарниках в вилках — между стволом и веткой.

ВОЛК И ЛИСИЦА

Холодно волку. Голодный он. Идет заячьей тропинкой, хочет зайца добыть. Встретился с лисицей. Думает — съем!.. Лисица говорит:

— Волк, мне холодно. Давай будем греться и повеселимся.

— Как?

— Ты мне свяжи ноги, я стану прыгать, кувыркаться, ты — смейся.

Волк связал ноги лисице, и начала она падать, переворачиваться. Волку смешно. Повеселила лисица волка и говорит ему:

— Я устала. Развяжи мне ноги да повесели меня. Мне теперь тепло. Давай я свяжу тебе ноги. Ты поиграешь, потом опять меня свяжешь.

Волк согласился. Лисица крепко связала ему ноги. Лежит, встает, падает, крутится волк, а лисица хохочет над ним. Устал волк забавлять лисицу и просит ее развязать ноги.

— Играй! — сказала ему лисица и — в лес.

Лежит волк. Подлетела к нему белая птичка.

— Птичка, развяжи мне ноги. За это я накормлю тебя мясом и кишками.

Птичка скривила себе клюв и лапки об узел, но ноги волка развязала. Задавил волк оленя, напился крови, разорвал ему брюхо и оставил птичке оленя. Залезла она в разорванное брюхо оленя, выпачкала белые перышки кровью и пошли от нее с тех пор красногрудые птички — клёсты.

Волк шел по следу лисицы. Нашел мерзлый конский шевяк. Лисица грызла шевяк. Об него она сломала свой клык. Идет волк следом дальше, ищет лисицу. Смотрит: в лесу горит огонь, а кругом его сидит много лисиц.

— Это они на суглан собрались, — подумал волк и сел с лисицами в круг.

Сидит волк тихонько, поглядывает на лисиц, а лисицу-обманщицу найти среди них не может. Все они рыжие, как одна. Как ее узнаешь?

Посидел, посидел волк, вспомнил о сломанном лисьем зубе, подскочил к огню и давай бить хвостом по костру. Хвост горит, а лисицы смеются.

Увидел волк беззубую лисицу, подсел к ней и говорит:

— Из обожженного хвоста все вши перебежали ко мне на голову. Ты поищи мне маленько.

Лисица покусала вшей в голове волка и говорит ему:

— Хорошо, я поискала у тебя вшей, теперь ты поищи у меня в голове.

Волк стал кусать вшей у лисицы. Кусает и спрашивает лисицу, где поискать.

— За ухом, за ухом зудится. Там покусай хорошенько.

Волк так куснул свою обманщицу-лисицу, что она сразу издохла.

ЗАЯЦ - ШАМАН

Давно, в старину это было. Один заяц в лесу нашел лопаточную кость, взял ее и объявил себя большим шаманом. Услышали об этом зайцы, обрадовались и пошли все шаманить к своему шаману. Одни пришли к нему полечиться, другие — узнать о своей судьбе. Большой шаман все знает!..

Собрались. Зажгли костер, сели кругом и ждут, когда начнет шаманить заяц-шаман. Ударил шаман тапкой в свой бубен — костяную лопаточку, вытянулся, запел:

В горелом лесу — боов!

Дорога моя торная — поов!

Подпрыгнул, потоптался, ударил в кость, запел:

В горелом лесу — поов!

Дорога моя торная — боов!..

Кувыркнулся через голову и то же:

В горелом лесу — боов!

Дорога моя торная — поов!

В горелом лесу — боов!..

Бубнит да поет, поет да бубнит...

В горелом лесу — поов!

Ждали-ждали зайцы, когда заяц-шаман шаманить начнет, да так и ушли от него ни с чем. С тех пор и живет в тайге великая слава о большом хвастуне — зайце-шамане.

МЕДВЕДЬ И КЕДРОВКА

По тайге бродил медведь. Он был старый и голодный. Медведь искал себе в лесу пищу. Увидела его кедровка и стала над ним насмехаться.

— Дедушка медведь, иди сюда! Здесь орехи! — крикнула кедровка издалека.

Услышал он, что птица зовет его кушать. Пошел к ней. Шел, шел... Вдруг слышит снова в стороне тот же голос:

— Дедушка, иди сюда! Здесь орехи!

Показалось медведю, что зашел он неладно. Изменил путь. Идет на голос. Стал подходить ближе, а кедровка перелетела подальше на новое место и опять закричала:

— Дедушка медведь! Иди сюда! Здесь орехи!..

Побежал голодный медведь на призыв, а там ни кедровки, ни орехов. Кедровка перелетела в пустой лес и кричит:

— Дедушка медведь, иди сюда! Здесь орехи!.. Иди сюда!..

Долго бегал старый медведь за перелетающей кедровкой, потом понял, что она обманывала его. Рассердился и сказал:

— Кедровка, ты обманывала меня, так помни: когда будет большой урожай орехов, ты никогда не будешь наедаться. Сколько бы ты ни ела, ты все время будешь испытывать голод. Когда в тайге совсем не родится орехов, ты будешь мучиться от сильного голода и подыхать.

И стали кедровки с тех пор прожорливыми.

СЛОВАРЬ

Авоныко — эвенки.

Ака — обращение к пожилому человеку.

Алапчу — вкусное, сладкое, приятное.

Амака — верховное божество у эвенков. Это слово также означает: дед, старший брат отца, старший брат матери, медведь.

Амака чальдыбконягин — Амака поможет встретиться.

Амун — испражнения.

Арамусы (ноговица) — гамашы, закрывающие только голени, без ступни.

Аргиш — олений обоз.

Аршин — старорусская единица измерения длины. 1 аршин = 1/3 сажени = 4 четверти = 16 вершков = 28 дюймов = 0,7112 м.

Аси — женщина.

Аспид — род сланца, черного слоистого камня, из которого делают грифельные доски.

Бабки — кости около копыт.

Бакари — высокие меховые зимние сапоги.

Бали — слепой.

Баляга — родовой суд.

Баранчук — ребенок.

Бедоба — русская деревня. Сейчас в Богучанском районе Красноярского края.

Белочить — охотиться на белку.

Берда — загородка из тальника и лиственницы.

Богучаны — большое село на Ангаре. Сейчас районный центр Красноярского края.

Богыдя — «дитя любви», человек, не знающий отца.

Болеколь — помощи.

Ботало — погремushка, позволявшая искать животных.

Бранка — место на стволе для пистона.

Броднишки (бродни) — вид кожаной обуви.

Бультина — камедь лиственницы.

Бухта — лодочка для поддержки каната.

Бэе — друг.

Важенка — самка северного оленя.

Веретенник — мелкая стерлядь.

Верховка — ветер с верховьев рек.

Волость — волостное управление. В Кежме было чернянское волостное управление Енисейской губернии.

Водополье — весенний разлив реки.

Впросырь — сыровато.

Гайтан — шнурок.

Галиться — издеваться, изгаляться.

Гарус — вид мягкой кручёной шерстяной пряжи.

Глыза — мерзлый ком.

Говорка — уговор, договоренность.

Голицы — лыжи, не подбитые камысом.

Головка соболей — связка соболиных шкур.

Голомо — переносимый чум, крытый мхом и землей.

Тулиун — костер вне жилия.

Тумно — отгороженное место, где в особых постройках складывают сжатый хлеб.

Дако — женское пальто, расшитое бисером.

Данииллян — сговор об обмене невестами.

Джероко — вор.

Долить — отпускать в долг.

Доха — шуба из шкур мехом и внутрь и наружу.

Дыле — лицо.

Дымокур — дымящий костер, разводимый для защиты от комаров и мошкары.

Елань — возвышенная, голая и открытая равнина, лысина, плешина.

Ёхорьё — название кругового танца.

Желна — крупный черный дятел.

Жемило — рогатина для ловли змей.

Заездки — плетни для ловли рыбы, которыми перегородаживают речки.

Заназьменная — унавоженная. Назем — навоз.

Заячья пасть — ловушка на зайца из жердей и бревен.

Илимка — парусное плоскодонное бурлацкое судно грузоподъемностью до 13 тонн.

Ирикта — приток реки Чуни.

Кабарожка — молодая кабарга.

Казарки — черные гуси.

Камень Бугадды (Бугады) — священный камень. У каждого эвенкийского рода был свой камень Бугадды.

Камыс — полоса шкуры с ноги оленя.

Катанга — местное название Подкаменной Тунгуски, правого притока Енисея.

Катеринка — царская монета Екатерины II.

Кежма — большое село на Ангаре, бывший районный центр в Красноярском крае. Сейчас не существует, это место находится в зоне затопления водохранилища Богучанской ГЭС.

Кибасья — грузила.

Кимчу — река на востоке ныне Эвенкийского муниципального района Красноярского края. Впадает в реку Чуню, которая впадает в Подкаменную Тунгуску, а та — в Енисей.

Кингит — злой дух.

Кислица — красная смородина.

Кляч — шест для крепления невода.

Конгипкавун — музыкальный инструмент, разновидность варгана.

Копалуха — самка глухаря.

Копаница — место кормежки оленей.

Косач — тетерев.

Крохаль — вид крупной утки.

Кукша — сойка, лесная птица семейства врановых, отряда воробьиных.

Кулема — давящая ловушка на медведя.

Кулин (кулинма) — змея.

Кукан — приспособление для сохранения и переноса выловленной рыбы. Представляет из себя прочный шнур с проволочной петлей на конце.

Кунгас — крытая короткая парусная лодка.

Кухта — иней на дереве; лежащий на ветках снег.

Лабаз — помост на ветвях деревьев для хранения продуктов. Также изготавливается могильный лабаз — место захоронения.

Лавикта — мох, ягель.

Лекомен — легкая летняя замшевая обувь.

Леторосник — годовой побег деревьев или кустарника.

Лони — прошлый год.

Лопатина — одежда.

Лосина — выделанная лосиная кожа.

Люча — русский.

Маклак (клоктун) — крупный чирок.

Мани — созвездие Ориона.

Манишка — нагрудник, имитация блузки или рубашки, носится только под костюм, жакет, платье.

Майгу — рыба ленок семейства лососевых.

Маут — аркан для ловли оленей.

Межеумок — предмет, который не может быть отнесён к какому либо определённомu сорту.

Мездра — подкожный слой на невыделанной шкурке.

Мендач — тонкий лес.

Молескин — плотная ткань.

Морока — облака.

Мунняк — собрание.

Натруска — банка для хранения пуль и пороха.

Низовка — ветер с низовьев рек.

Никола зимний — праздник в народном календаре, в который почитают святого Николая Чудотворца. Отмечают 19 декабря.

Ниматчина — обычай дележа добычи, доля охотника и всех, кто с ним кочует.

Огниво и **трут** — приспособление для получения огня. Простейшее огниво состоит из кресала и кремня. Сноп высекаемых искр, получае­мый от удара кремня о кресало, воспламеняет трут (сухой волокнистый материал, мох).

Они — мать.

Орочены — дореволюционное название ряда групп оленных эвенков (от эвенкийского «орон» — олень).

Остяки — народность кето (енисейские остяки).

Ошкур — широкий ремень.

Падло — падаль.

Пальма — русское название оружия эвенков (ножевидный наконечник с хвостовиком закреплялся на длинном древке, пальма выполняла функции одновременно копья, ножа и топора)

Парка — верхняя одежда из шкур животных шерстью наружу.

Пасть — давящая ловушка на зверей из бревен.

Паут — слепень.

Перенова — снегопад, не первый в эту зиму.

Плаун — многолетняя вечнозеленая трава.

Плашка — давящая ловушка на мелкого зверя.

Поденщина — лихорадка.

Подпаль — неполношерстная раннеосенняя белка.

Покруга — меновая торговля, получение эвенками товаров в обмен на пушнину.

Поняга — доска с ляжками, приспособленная для носки топора, вещей и добычи.

Порхаться — действовать с малым результа­том.

Поярковый — сделанный из поярка, первой шерсти молодого ягненка.

Прилука — обрыв речного берега на повороте, в который бьет течение.

Пуд — единица массы, 1 пуд = 40 фунтам = 3840 золотникам = 16,38 кг.

Пыжик — мех молодого оленя.

Ремез — перелетная птица рода синицевых.

Ровдуга — оленья шкура, выделанная на замшу.

Сакуй — меховая мужская одежда, длинная до пят, расклешенная снизу, с капюшоном.

Сарана — многолетнее луковичное растение, вид рода лилий.

Связь — речная утка.

Слопец — самолет на крупную птицу из жердей.

Снежница — скопление талой воды, пропитанного водой снега.

Снизка — нитка бус.

Стрежь — середина и самое глубокое место в реке с быстрым течением.

Суглан — родовой совет, собрание.

Таволга (лабазник) — род многолетних трав семейства розовых.

Тальцы — полыньи.

Таргачина — такой же.

Толмачить — переводить.

Томулян (түмэлэн) — сиденье шамана, симво-
лизирующее плот как основу мироздания.

Тюня — место на реке, на котором произво-
дится лов рыбы неводом.

Торга — ткань.

Тори — уплачиваемый за невесту калым. Со-
стоял из некоторого количества оленей.

Турама — левый приток Подкаменной Тунгу-
ски, недалеко от села Байкит.

Турсук — выючная сума (берестяной остов,
оклеенный камысами — шкурками с ног
оленя).

Түмэлэн — плот.

Тунгусы — старое название эвенков.

Учаг (учак) — верховой олень.

Ультан — эхо.

Унты — зимняя обувь из шкуры оленя.

Фактория — торговая контора на отдаленной
территории.

Фунт — мера массы, 1 фунт = 96 золотникам =
1/40 пуда = 0,45 кг.

Ханкта — жимолость, кора жимолости.

Хамчуры — низкая меховая обувь из шкуры
лося.

Хаптай — шаман, колдун.

Харги — злое верховное божество, брат Амаки,
хозяин нижнего мира.

Хатанга — крупная река на Таймырском
полуострове. Впадает в Хатангский залив моря
Лаптевых.

Хиуз — не сильный, но резкий северный зим-
ний ветер.

Хоглен — созвездие Большой Медведицы.
По его положению определяется время ночью.

Хокиль — танец на месте.

Хокто — дорога.

Хольмэ — раскрашенный нагрудник, надевае-
мый по праздникам.

Хомокон — вырезанная из дерева фигурка
божка.

Хороки — тетерка.

Целковый — монета достоинством в 1 рубль.

Ческульмы — зимняя меховая обувь с низкими
голенищами и подошвой из щеток (копыт
оленя).

Чектыль — бисер.

Черемица — многолетняя трава с содержа-
нием алкалоидов.

Чина — уродливая, с орлинообразным гнез-
дом вершина. По поверью, в перекрещении ее
сучьев находится смола, обладающая свой-
ством оплодотворения женщин. От смолы
лиственницы женщины начинают мальчика-
ми-богатырями. От смолы ели — девушками-
богатырками.

Чирки — бродни без голенищ.

Чичакун — трясогузка.

Чолдон — Венера.

Чомо — нарост на дереве.

Чуки — охотничий обряд, череп медведя
в пучке прутьев, насаженный на надрубленное
дерево.

Чуня — река на востоке ныне Эвенкийского
муниципального района Красноярского края.
Впадает в Подкаменную Тунгуску.

Шабур — домотканый полушерстяной халат.

Шевяк — навоз.

Шелковник — зеленая речная поросль.

Шитик — небольшое плоскодонное парусное
судно (до 10 м), части корпуса которого сши-
вались ремнями.

Шулинга — старейшина.

Юкса — петля из ремня на лыже, в которую
вдевается нога.

Юктукон (юктукэн) — речка.

Юфтевые — сделанные из кожи годовалого
животного, выделанные дегтем.

Ягель (олений мох) — ряд кустистых белых
лишайников, принадлежащих к роду кладония.

Ясак — натуральный налог с народов Сибири
и Севера, главным образом пушниной.

СОДЕРЖАНИЕ

БОЛЬШОЙ АРГИШ БОЛЬШОГО ОШАРА. Вступительная статья Р. Саковой	5
БОЛЬШОЙ АРГИШ. Роман	
ЧАСТЬ I. Звено могил.	1 0
ЧАСТЬ II. Бали. Слепому другу Калгану Кувачёнку	1 0 4
ЭВЕНКИЙСКИЕ СКАЗКИ	3 0 5
Словарь.	3 5 5

Михаил Ошаров

БОЛЬШОЙ АРГИШ
ЭВЕНКИЙСКИЕ СКАЗКИ

Вступительная статья

Р. Саковой

Иллюстрации

Д. Каратанова, А. Лекаренко, Н. Варгина

из коллекции Красноярского краевого краеведческого музея

Фотографии

из коллекции Красноярского краевого краеведческого музея

Дизайн и макет

Ольга Золотухина

Верстка

Галина Гладкая

Корректурa

Римма Котова